Александр Частов

12+

31 ФЕВРАЛЯ

психологический детектив

Александр Частов

31 февраля

«Издательские решения»

Частов А. А.

31 февраля / А. А. Частов — «Издательские решения»,

Архивист Вера Ланская обнаруживает в старом деле невозможную дату — 31 февраля 1998 года. Попытка разобраться в документальной ошибке приводит её к тайне собственного детства, двум матерям и решениям, изменившим несколько человеческих судеб. Психологический детектив о памяти, правде и прошлом, которое невозможно исправить одной архивной справкой.

© Частов А. А.
© Издательские решения

Содержание

Александр Частов 6
31 февраля 7
Роман 7
Глава 1. Несуществующий день 8
Глава 3. Два регистрационных номера 20
Глава 4. Отказ в существовании 28
Глава 5. Пустая папка 35
Глава 6. Список невозможных дней 43
Конец ознакомительного фрагмента. 49

31 февраля

Александр Андреевич Частов

© Александр Андреевич Частов, 2026

ISBN 978-5-0071-6444-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Частов

31 февраля

Роман

Глава 1. Несуществующий день

Вера Ланская не любила исправлять чужие ошибки.

В архиве это было опасной привычкой. Исправленная цифра могла изменить дату смерти, фамилию наследника или обстоятельства закрытого дела. Иногда ошибку замечали через двадцать лет, когда человек, поставивший её, уже не мог объяснить, что имел в виду. Тогда исправление становилось не восстановлением истины, а новой версией прошлого.

Поэтому, увидев в описи тридцать первое февраля, Вера не взяла ручку.

Она проверила номер фонда. Потом номер описи. Потом ещё раз дату.

31.02.1998.

За окном шёл ноябрьский дождь. Вода собиралась на карнизе архивного корпуса и срывалась вниз с равными промежутками, словно кто-то за стеной перелистывал листы. Вера машинально посмотрела на часы: без четверти десять. Третье ноября две тысячи двадцать шестого года. День вполне существующий, хотя и мало отличавшийся от соседних.

На столе лежала опись №47 фонда 214 — документы бывшего областного Комитета по охране детства. Её поручили проверить не потому, что ожидали сенсации. После очередной инвентаризации обнаружились расхождения между бумажными заголовками и электронным перечнем. Часть дел давно не выдавали, часть переименовали при передаче, а у нескольких единиц хранения крайние даты расходились с надписями на обложках.

Работа требовала внимания, но редко — воображения.

Напротив единицы хранения №34 было напечатано: «Материалы сверки учётных сведений. 31.02.1998 — 17.11.1999».

Вера поднесла лист к настольной лампе. Бумага была плотной, слегка желтоватой. Цифры не выглядели вписанными позднее: они стояли в одной строке с остальным машинописным текстом, одинаково побледневшим от времени.

— Свет, — сказала она, — у нас бывает тридцать первое февраля?

Светлана, сидевшая за соседним столом, не подняла головы.

— Если отчётный период не закрыли, бывает и тридцать второе.

— Я серьёзно.

— И я. Что там?

— Крайняя дата дела.

Светлана повернулась вместе со стулом. На её мониторе был открыт перечень фондов; курсор мигал в пустой строке поиска.

— Ошибка при перепечатке. Запиши в замечания.

— Запишу. Сначала сверю.

— С кем? С календарём?

Вера не ответила. Они работали вместе седьмой год, и Светлана давно привыкла к тому, что шутка не заменяет проверки.

Вера достала второй экземпляр описи из соседней папки. Он был переплетён иначе, с голубой полосой на корешке и отметкой о проверке в двухтысячных. На странице с номером тридцать четыре стояло то же самое: 31.02.1998.

Два одинаковых экземпляра ещё ничего не доказывали. Один могли перепечатать с другого. Вера отметила это в блокноте, прежде чем у неё возникло соблазнительное слово «подтверждение».

Она взяла карточку заказа на единицу хранения, которую должна была сверить по физическому состоянию, и пошла к хранителю.

Климов работал в архиве дольше, чем большинство сотрудников помнили здание без нового крыла. Он различал коробки по скрипу крышек и недолюбливал слова «потерялось» и

«нашлось»: по его убеждению, в обоих случаях следовало сначала выяснить, где и кем вещь учитывалась.

— Тридцать четвёртая, сорок седьмая опись? — повторил он, просматривая заказ. — По учёту выдаётся на сверку обложки и состава. Внутренние материалы не трогать, там могут быть сведения ограниченного доступа.

— Мне достаточно обложки.

— Хорошо, что достаточно. Люди обычно начинают с этого, а потом им становится интересно.

Он принёс картонную папку, положил её на отдельный стол и сверил шифр. На обложке была старая наклейка с неровно обрезанным краем. В графе крайних дат повторялось: «31.02.1998 — 17.11.1999».

— Три раза, — сказала Вера.

— Три надписи, — поправил Климов. — Не три независимых источника.

Она улыбнулась. Именно за это и уважала его.

Ниже наклейки виднелся выцветший карандашный знак: две цифры, косая черта и две вертикальные линии. Вера наклонилась, но не стала обводить надпись пальцем. От влажности графит мог осыпаться.

— Что это? — спросила она.

— Не знаю. При передаче всякое писали. Если надпись учётная, ищите в журналах. Если не учётная — тем более не угадывайте.

Вера сделала схематический рисунок в блокноте. Она не была уверена, написано ли там «31/II» или просто «31» и две короткие отметки. Под лампой черты казались римской двойкой; когда папку повернули, они превратились в случайные царапины.

— Можно проверить старый журнал поступлений? — спросила она.

— Через Людмилу Павловну. У меня тут не музей загадок.

Вера поблагодарила его и вернулась в кабинет. Сама папка осталась у хранителя. Она не видела её содержимого и не могла сказать, какие документы действительно находились внутри. От этого запись на обложке не становилась менее странной, но границы известного были ясны.

Светлана уже допила кофе.

— Ну что, февраль удлинился?

— На обложке то же самое.

— Значит, переносили ошибку из описи.

— Или в опись с обложки.

— Какая разница?

— Для исправления — большая.

Светлана хотела возразить, но вместо этого взяла свой блокнот.

— Ладно. Запишем: установить первичный источник даты. Только не превращай это в расследование века.

— Не собираюсь.

Вера сказала правду. В тот момент она действительно не собиралась.

* * *

Людмила Павловна принимала сотрудников по одному, хотя дверь её кабинета почти всегда была открыта. Это было не требование секретности, а способ не допускать коллективного обсуждения того, за что потом отвечал конкретный исполнитель.

Она выслушала Веру, не перебивая, и попросила показать оба экземпляра описи.

— Вы уверены, что здесь именно дата, а не шифр?

— Графа называется «Крайние даты». Формат обычный календарный. Но первичный источник пока неизвестен.

— И что вы предлагаете?

— Проверить разрешённый учётный аппарат. Журнал передачи, прежний перечень. Возможно, это техническое обозначение, ошибочно перенесённое в дату.

— Возможно. А возможно, обычная опечатка, которую все старательно копировали.

— Да.

Людмила Павловна посмотрела на неё поверх очков. Начальница особенно не любила, когда сотрудник приходил с готовой историей вместо фактов. Вера принесла только факты, но этого было недостаточно для разрешения.

— Сначала составьте служебную записку. Укажите, какие документы уже сверены и какие не проверялись. Доступ к внутреннему составу тридцать четвёртой не расширяем. На неделе будет комиссия по учётным расхождениям; там решим, что делать дальше.

— Можно хотя бы посмотреть журнал приёма описи?

— Если он относится к открытому учётному аппарату, после согласования с хранителем. Никаких самостоятельных поисков по персональным делам.

— Поняла.

— И, Вера, — добавила Людмила Павловна, когда та уже поднялась, — не исправляйте дату в электронном каталоге. Даже на очевидно правильную.

— Я и не собиралась.

— Вот и хорошо.

В коридоре Вера задержалась возле окна. На противоположной стороне улицы строители меняли вывеску закрытого магазина. Старые буквы уже сняли, новые ещё не установили. На стене остались светлые прямоугольники — следы названия, которое теперь можно было восстановить только по форме отсутствующих знаков.

Ей пришло в голову, что архивные ошибки иногда похожи на такие следы. Важна не только неправильная запись, но и то, что под ней находилось раньше.

Мысль была красивой и потому подозрительной. Вера записала вместо неё сухую фразу: «Установить направление переноса реквизита».

* * *

После обеда Климов принёс в кабинет учётный журнал, разрешённый для сверки. На корешке значился 2003 год — время, когда материалы Комитета передавали после реорганизации. Журнал не содержал личных дел: в нём фиксировали номера коробок, шифры, количество единиц и замечания к приёмке.

Вера нашла фонд 214 и стала двигаться по строкам. Передача была неровной: несколько листов переписали от руки, другие вклеили машинописными таблицами. Рядом с некоторыми номерами стояли пометы «уточнить» и «возвращено на доработку». Это была нормальная жизнь плохо согласованных учётных систем.

На одной из страниц, в узкой графе «Примечание», она увидела обозначение, которое показалось знакомым:

«31/II — дополнительные расхождения».

Ни года, ни месяца рядом не было. Наклонная черта отделяла число от римской двойки. Если читать запись как дату, она опять указывала на невозможный день. Но в этом журнале графа не называлась календарной.

Вера посмотрела на соседние строки. Там встречались «12/I», «08/III», «17/IV». Все они могли быть разделами, порядковыми индексами, номерами сверочных листов. Без инструкции обозначения оставались только обозначениями.

Она не стала писать в блокноте «найдено происхождение ошибки». Написала: «В учётном журнале есть сходный реквизит. Связь не установлена».

На следующей странице обнаружилась ссылка на замечание, составленное восемнадцатого декабря 2003 года. Вера проверила номер, затем запросила у Климова соответствующую учётную карточку. Он принёс её после сверки с разрешённым перечнем.

Текст замечания был коротким: «Просим уточнить обозначение крайних дат по единице 34, опись 47, фонд 214». Под ним стояли дата и служебная подпись, которую Вера не смогла разобрать. На обороте находилась резолюция от двадцать второго декабря: «Сохранить по первичному учёту».

Она прочла её дважды.

Кто-то заметил проблему двадцать три года назад. Кто-то решил не менять запись. Но из этих двух предложений не следовало, что тот человек знал о невозможном феврале больше, чем она сейчас. Возможно, первичный учёт считался более надёжным, а исправление без исходных документов — недопустимым. Возможно, спорный индекс вообще не относился к календарю. И всё же решение было принято сознательно: не просто пропустили, а оставили.

Вера переписала резолюцию дословно и указала источник. Затем закрыла журнал.

— Нашли что-нибудь? — спросил Климов, забирая карточку.

— Нашла, что раньше тоже не знали, как это исправить.

— Это вы уже предполагаете. Может, знали, но не могли.

— Или могли, но не хотели.

— Вот последнее пока оставьте для романов.

Она кивнула. Он был прав.

* * *

В четыре часа Светлана принесла распечатку из электронного каталога. У записи фонда 214 крайние даты были указаны без необычного февраля: «1998—1999». Система, вероятно, при переносе данных оставила только годы.

— Видишь? — сказала Светлана. — Машина оказалась умнее нас. Просто выбросила невозможный день.

— Или выбросила важное расхождение.

— Ты сегодня невыносима.

— Согласна.

Они рассмеялись, и на несколько минут всё снова стало обычным рабочим днём.

Но перед уходом Вера вернулась к своему блокноту. На одной странице стояли три записи: «31.02.1998», «31/II» и «Сохранить по первичному учёту». Она провела между ними тонкие пунктирные линии, а потом перечеркнула линии. Они изображали связь, которую она ещё не установила.

Вместо схемы она составила три вопроса.

Что именно называлось первичным учётом?

Когда условное обозначение — если оно было условным — впервые попало в графу календарной даты?

Почему замечание 2003 года не привело к уточнению?

Ни один вопрос не касался преступления. Даже слово «подлог» она не написала. Архив не становился местом преступления оттого, что в нём находилась невозможная дата.

Вера открыла служебный шаблон и составила записку Людмиле Павловне. Указала номера обоих экземпляров описи, надпись на обложке, учётный журнал и резолюцию. Отдельно написала, что внутренние документы единицы хранения №34 ею не просматривались, происхождение обозначения «31/II» не установлено, а наличие сходных записей не подтверждает их тождества.

Она перечитала текст. Там не было ничего, что заставило бы другого человека бросить работу и бежать за ней по коридору. В этом заключалась его добросовестность.

Людмила Павловна приняла записку, поставила дату и сказала:

— После комиссии вернёмся. Пока занимайтесь остальной описью.

— Хорошо.

— И не переживайте из-за этой даты. Если её столько лет не трогали, ещё два дня она выдержит.

Вера вышла из кабинета с ощущением, что ей предложили не переживать из-за закрытой двери, за которой могло вообще ничего не быть.

* * *

Вечером она позвонила Елене.

Мать ответила не сразу. На заднем плане шумел телевизор, потом звук стал тише.

— Ты поздно сегодня.

— Задержалась на работе.

— Опять старые бумаги?

— Они у нас редко бывают новыми.

Елена спросила, ела ли Вера, и не стала ждать ответа. Потом рассказала о соседке, у которой сломался лифт, о скользкой дорожке возле дома и о том, что в магазине снова исчез хороший чай. Это были новости, не требовавшие проверки и протокола.

— Ты в субботу приедешь? — спросила она.

— Постараюсь.

— Не «постараюсь», а приезжай. У меня твои вещи лежат, я шкаф разбирала.

— Какие вещи?

— Детские. Фотографии какие-то, тетрадки. Не помню уже. Посмотришь сама.

Вера обещала приехать. После разговора она ещё некоторое время держала телефон в руке, не придавая словам матери особого значения. Детские фотографии не имели отношения к описи Комитета. У неё не было причины думать иначе.

На кухне она поставила чайник и открыла блокнот. Последняя строка была посвящена резолюции 2003 года. Ниже, оставив место для будущих уточнений, Вера написала дату следующего рабочего дня: 4 ноября.

Она ещё раз посмотрела на карандашный рисунок, сделанный утром. Две вертикальные черты на нём могли быть цифрой два. Могли быть следами пера. Память уже предлагала ей выбрать один вариант и перестать сомневаться.

Вера закрыла блокнот.

Завтра она постарается вспомнить не то, что ей показалось, а то, что она действительно видела.

Это было труднее, чем казалось.

Глава 2. Человек из графы «умер»

Утром Вера обнаружила, что неправильно запомнила одну подробность.

Вчера ей казалось, будто на внутренней стороне обложки дела стояли цифра тридцать один и две короткие черты. Теперь, пока она ждала лифта, в памяти возникло другое изображение: цифра, наклонная линия и римская двойка. Она могла поклясться, что видела именно это, хотя собственный рисунок в блокноте говорил обратное.

Неприятность заключалась не в том, что она забыла. Память вообще плохо подходила для хранения таких вещей. Неприятно было то, как уверенно она помнила обе версии.

Вера поднялась по лестнице. В кабинете пахло кофе и мокрой шерстью. Светлана уже сидела за компьютером, сердито нажимая клавиши.

— Доброе утро, — сказала Вера.

— Для кого как. У нас опять не работает поиск по старым поступлениям.

— Совсем?

— Поиск работает. Результаты не открываются. Прекрасная система: сообщает, что сведения существуют, но не даёт их прочитать.

Вера повесила пальто и достала рабочий блокнот. Она не стала перечитывать вчерашние предположения. Сначала открыла электронный журнал поручений. Людмила Павловна поста-

вила напротив её служебной записки отметку: «Рассмотреть после комиссии». Никаких новых полномочий на изучение спорных дел не появилось.

Это было ожидаемо. Вера открыла обычную часть описи, где могла продолжать сверку заголовков и физического состава фонда, и решила заняться другими позициями. До обеда она успела проверить семь единиц хранения, выявить одну ошибку в количестве листов и обнаружить папку, в которой название на обложке не совпадало с названием в описи. Всё это были привычные неприятности, имевшие привычные способы разрешения.

В одиннадцать сорок две в дверь постучали.

Мужчина в тёмной куртке стоял на пороге, не решаясь войти. На вид ему было около сорока. Он держал тонкую пластиковую папку так, словно боялся, что из неё что-нибудь выпадет.

— Мне сказали, здесь занимаются старым Комитетом по охране детства.

— Приём посетителей в читальном зале на первом этаже, — ответила Светлана, не оборачиваясь.

— Я был там. Мне сказали уточнить, кто отвечает за учётные сведения. Я не прошу показать дело. Мне нужно понять, существует ли оно.

Вера подняла голову.

— По какому вопросу?

— По моему.

Он сказал это без раздражения. Скорее с усталостью человека, который привык, что его ответ не удовлетворяет собеседников.

— Назовите фамилию, — попросила Вера.

— Руднев. Илья Сергеевич.

Светлана наконец повернулась.

— У вас есть номер обращения?

Мужчина раскрыл папку, достал лист с регистрационным штампом и протянул ей. Светлана просмотрела его и кивнула.

— Да, заявление поступило. Но ответ вам готовит отдел запросов. Здесь сотрудники не ведут приём граждан.

— Я понимаю. Мне не нужен ответ прямо сейчас. Я только хотел сказать, что там неверно написано.

— Где?

— В ответе, который мне прислали в прошлый раз.

Он вынул ещё один лист. Вера видела только верхнюю часть: название учреждения, дату и номер. Светлана взяла документ, прочитала несколько строк и перестала улыбаться.

— Вам нужно обратиться к специалисту по запросам, — сказала она уже мягче.

— Я обращался.

— Тогда к начальнику отдела.

— Был у начальника.

Вера услышала, как в коридоре хлопнула дверь. Где-то за стеной зазвонил телефон. Мужчина продолжал стоять, держа папку обеими руками.

— В чём именно ошибка? — спросила Вера.

Светлана посмотрела на неё, но не перебила.

— Там написано, что сведения обо мне не могут быть подтверждены, потому что по учётным данным я умер.

Он произнёс последнее слово совершенно ровно.

Вера не сразу поняла, что ждёт продолжения.

— И вы считаете, что речь идёт об ошибочном совпадении данных?

— Я не считаю. Я знаю, что не умирал.

Светлана вздохнула.

— Разумеется. Вопрос в том, какой именно источник использовали при подготовке ответа.

— Вот я и пытаюсь выяснить.

Вера указала на стул возле двери.

— Присядьте на минуту. Мы не можем сейчас проверять содержание вашего дела, но можем объяснить порядок уточнения ответа. Вы не против, если я посмотрю только реквизиты вашего обращения?

— Пожалуйста.

Он сел осторожно, словно боялся занять чужое место.

Вера взяла лист, на котором были регистрационный номер и тема запроса. Илья Руднев просил подтвердить период своего пребывания в одном из областных учреждений в девяностые годы. Справка была нужна ему для восстановления цепочки документов, связанных с трудовым стажем и обстоятельствами прежнего проживания. Самого ответа в её распоряжении не было, и Вера не собиралась делать вид, будто знает, что в нём написано.

— В вашем заявлении речь идёт о периоде до 1999 года, — сказала она. — Правильно?

— Да. Я тогда несколько месяцев жил в общежитии при учреждении. Потом меня перевели. Это всё было не по моей воле, но сейчас речь не об этом.

— Ведомственный учёт мог содержать сведения, которые не совпадают с данными регистрации актов гражданского состояния, — сказала Вера. — Если в ответе использована ошибочная запись, её нужно установить и проверить. Это не означает, что вы юридически умерли.

Руднев посмотрел на неё с таким вниманием, будто впервые за долгое время услышал различие, которое сам пытался объяснить.

— Я и не говорю, что умер по закону. Паспорт у меня есть. Работаю. Налоги плачу. Только когда мне нужна справка о том времени, получается, что меня не было.

— Вы уже запрашивали исправление ответа?

— Дважды. Один раз написали, что сведений недостаточно. Второй — что вопрос требует дополнительного рассмотрения. А потом прислали бумагу с этой записью.

Он потёр пальцем край папки.

— Вы знаете, каково это — доказывать, что вы были там, где были? Не что вы правы. Не что вам что-то положено. Просто что вы находились в определённом месте в определённый год.

Вера знала, как легко человеку отказать в подтверждении факта, если архив не располагает достаточными документами. Она знала и другое: отсутствие справки иногда превращалось для заявителя в отсутствие собственной биографии. Но ответить Рудневу ей было нечем.

— Я могу подсказать, как оформить просьбу об уточнении источника сведений, — сказала она. — Но не обещаю, что это сразу решит вопрос.

— Мне никто уже ничего не обещает.

Он достал ручку.

Вера записала на чистом листе общий порядок обращения через отдел запросов: указать номер предыдущего ответа, попросить уточнить, на каком документе основано спорное сведение, и приложить копии имеющихся подтверждений. Она не записывала ничего из закрытых дел и не предлагала обходить установленные процедуры.

Руднев прочитал написанное.

— Спасибо. А можно один вопрос?

— Если смогу ответить.

— Когда человек числится умершим в старой ведомости, кто имеет право это исправить?

— Зависит от того, что это за ведомость и кем она составлена. Иногда исправляют учётные сведения, иногда оформляют уточняющую справку. Исходную запись обычно не уничтожают: важно сохранить след ошибки и основание исправления.

— Значит, бумага останется?

— Вероятнее всего, да. Но рядом должно появиться объяснение.

Он кивнул.

— Вот объяснение мне и нужно.

Вера проводила его до двери. В коридоре он остановился.

— Извините, что пришёл не туда.

— Ничего страшного. Только в следующий раз лучше записаться к специалисту по запросам.

— Я записывался. Она заболела.

Он попытался улыбнуться, но улыбка не получилась.

Когда мужчина ушёл, Светлана повернулась к Вере.

— Ты зачем с ним разговаривала? Теперь будет приходить к тебе.

— Я не обещала ему справку.

— Не в справке дело. Люди слышат, когда с ними разговаривают нормально. Потом думают, что ты обязательно поможешь.

Вера посмотрела на дверь.

— Может, это не худшее, что они могут подумать.

— Пока ты не выяснила, что помочь не можешь.

Светлана снова занялась компьютером.

* * *

После обеда Вера пошла в отдел запросов. Она не просила показать документы Руднева. Ей нужно было уточнить, каким образом следует передать специалисту информацию о том, что заявитель приходил и просил проверить источник спорной записи.

В отделе сидела Марина Алексеевна, женщина с усталыми глазами и неизменной металлической линейкой возле клавиатуры. Она принимала телефонные звонки, печатала ответы и умела одновременно слушать посетителя и искать в регистрационной системе нужную карточку.

— Руднев приходил? — спросила она, не поднимая головы.

— Да. Мы направили его обратно к вам.

— Его дело у Светы Николаевны. Она на больничном. Я знаю.

— Он утверждает, что в прежнем ответе есть ошибочная запись. Можно зафиксировать просьбу об уточнении источника?

— Пусть подаст заявление.

— Я ему объяснила.

Марина Алексеевна перестала печатать.

— Ланская, ты ведь понимаешь, что в наших фондах иногда встречается не то, что люди хотят прочитать?

— Понимаю.

— И то, что мы не можем переписать прошлую ведомость потому, что заявитель говорит, будто она неверна?

— Именно поэтому нужен источник.

Марина Алексеевна посмотрела на неё и неожиданно усмехнулась.

— Ты прямо как Людмила Павловна двадцать лет назад.

— Это комплимент?

— Пока не знаю.

Она достала лист для внутренних пометок.

— Я отмечу, что заявитель приходил. Но дальше по процедуре.

— Конечно.

Вера уже собиралась уйти, когда Марина Алексеевна спросила:

— А ты зачем им заинтересовалась?

— Он пришёл в наш кабинет.

— Только поэтому?

Вера подумала о вчерашней описи. О невозможной дате. О странном сочетании «неурегулированных дел» и «особого порядка учёта». Эти обстоятельства ещё никак не связывались с Рудневым. Даже предполагать связь было преждевременно.

— Только поэтому, — сказала она.

Это было почти правдой.

В коридоре возле отдела запросов стоял низкий стол с двумя стульями. Один стул был занят коробкой для макулатуры, на другом лежала забытая кем-то перчатка. Вера задержалась у окна, чтобы записать номер внутренней пометки Марины Алексеевны. Записывать было почти нечего: посетитель явился, порядок разъяснён, вопрос передан ответственному сотруднику. Но именно такая короткая запись позволяла потом установить, что разговор состоялся.

За стеклом дворник счищал мокрый снег с узкой дорожки. Он дошёл до урны, развернулся и повёл лопату обратно. Снег тут же начинал падать на очищенное место.

— Вы из третьего отдела? — спросил пожилой мужчина, остановившийся у стенда с образцами заявлений.

— Да. Вам нужен читальный зал?

— Нет, я уже всё сдал. Хотел узнать, где написано, сколько ждать.

Вера показала ему строку с порядком рассмотрения обращений. Мужчина наклонился ближе, прочёл, снял очки и снова надел.

— Значит, мне ответят, даже если ничего не найдут?

— Ответить должны по результатам рассмотрения. Но отсутствие сведений и отсутствие самого события — разные вещи.

Он задумался, затем поблагодарил её и ушёл к лестнице. Вера осталась возле стенда. Её собственная фраза прозвучала так, словно она произносила её не первый раз за день. И всё-таки мужчине она понадобилась. Возможно, впервые.

В кабинете Светлана наконец добилась от программы списка результатов. На экране высветились десятки одинаковых строк, различавшихся только последними цифрами шифра.

— Смотри, — сказала она. — Система нашла тридцать восемь совпадений, но не показывает, по какому полю. Можно подумать, все они одинаковые.

— А бумажный указатель?

— В шкафу. Только там названия полей написаны от руки, и сокращения никто не расшифровал.

Светлана отодвинулась, пропуская Веру к экрану. Та просмотрела верхние строки. Они относились к разрешённой общей описи, не к спорному делу. Одинаковые заголовки в действительности скрывали разные виды поступлений: в одном случае — копии актов, в другом — переписку, в третьем — перечень обращений без приложений.

— Можно вывести номер графы в отдельную колонку? — спросила Вера.

— Если администратор разрешит менять шаблон. Сейчас я могу только распечатать всё подряд.

— Тогда не печатай. Сначала надо выяснить, что именно система называет совпадением.

Светлана посмотрела на неё с притворным подозрением.

— Ты сегодня всем предлагаешь выяснять, что означают слова.

— Только тем, кто спрашивает.

— Очень удобно. Сама-то ты спрашиваешь без остановки.

Вера улыбнулась, но от экрана не отошла. Её занимало не то, что программа ошибалась. Программы ошибались регулярно, как и люди. Хуже было другое: результат выглядел окон-

чательным. Строка на экране не сообщала, чего в ней не хватало. Она просто занимала положенное место.

Они нашли в бумажном указателе описание одного из совпадений. В печатной версии было написано «переписка», в рукописной — «переписка, без приложений». Два слова, исчезнувшие при переносе, меняли ожидания любого исследователя. Никто не уничтожил приложения; их могло вообще не быть в этой единице хранения. Но по короткому заголовку читатель вправе был решить, что перед ним полное дело.

— Попросим уточнить описание? — спросила Светлана.

— По этой позиции — да. У нас есть оба варианта и понятное основание. По остальным надо проверять отдельно.

Светлана поставила на листе сверки маленькую галочку.

— Вот это мне нравится. Не надо никого спасать. Два слова вернули на место — и день прошёл не зря.

Вера ничего не ответила. Ей вспомнился Руднев с тонкой папкой в руках. Для него разница между словами «умер» и «ошибочно отмечен умершим» была больше двух слов. Но исправлять её имели право не они со Светланой, и одного человеческого присутствия в дверях было недостаточно, чтобы установить происхождение записи.

Она закрыла бумажный указатель и поставила его на полку точно между двумя соседними томами. Теперь хотя бы в одном случае они знали, что пропало при сокращении, и могли это доказать.

* * *

К вечеру Вера закончила обычную часть сверки. Людмила Павловна подписала лист замечаний по нескольким делам и напомнила, что спорную единицу хранения пока не следует изучать дополнительно.

— Я помню, — сказала Вера.

— Выглядите так, будто не помните.

— Я просто хочу понять, откуда взялась запись.

— Для этого и существует порядок. Если все будут выяснять всё самостоятельно, архив перестанет быть архивом.

Вера не стала спорить. Она знала, что начальница права в главном: доступ к документам не определяется любопытством сотрудника, даже профессиональным.

Но, возвращаясь за стол, подумала, что порядок иногда защищает не только документы от людей. Он защищает людей от необходимости видеть документы.

Эта мысль ей не понравилась. Слишком легко было принять её за объяснение всему, что пока оставалось непонятным.

Она открыла собственный рабочий лист и перечитала запись о спорной дате. Затем добавила: «Проверка отложена до решения руководителя». Ниже указала дату и время.

С этим вопрос был формально закрыт.

На сегодня.

* * *

В восемнадцать часов Вера вышла из здания. Дождя не было, но воздух пах мокрым камнем. Возле остановки стоял Руднев.

Она заметила его раньше, чем он её. Мужчина держал телефон у уха и слушал, глядя в сторону дороги. Потом коротко сказал:

— Нет. Я сам был там. Не надо мне рассказывать, что этого не было.

Он убрал телефон в карман и увидел Веру.

— Простите, — сказал он. — Я не ждал вас. Автобус не идёт.

— Ничего.

Они некоторое время молчали.

— Я подал заявление, — сказал Руднев. — Как вы посоветовали.

— Хорошо.

— Можно спросить ещё кое-что? Не про дело. Вообще.

— Спрашивайте.

— Если в двух документах про одного человека написано разное, как вы решаете, которому верить?

Вера посмотрела на мокрый асфальт.

— Сначала выясняю, откуда взялся каждый документ. Кто его составил. На основании чего. Был ли у составителя способ знать то, что он написал.

— А если оба подписаны и с печатями?

— Подпись и печать подтверждают оформление. Не обязательно истинность каждого сведения.

Руднев долго молчал.

— Вот именно, — произнёс он наконец.

Подошёл автобус. Мужчина поднялся на ступеньку, обернулся и неожиданно спросил:

— А вы когда-нибудь видели бумагу, в которой человек одновременно есть и его нет?

Вера хотела ответить, что это невозможно, но вспомнила, как часто люди использовали слово «невозможно» там, где следовало сказать «не установлено».

— Видела документы, которые друг другу противоречат.

— Тогда вы поймёте.

Двери закрылись.

Вера осталась на остановке. Её автобус должен был прийти через семь минут.

Она подумала, что Руднев, возможно, просто устал. Что он мог неверно понять содержание старого ответа. Что его история не имела никакого отношения к описи №47. Ни одного основания соединять эти события у неё не было.

И всё же она вспомнила вчерашнюю резолюцию: «Сохранить по первичному учёту».

Сохранить запись, даже если она неверна.

Не потому, что в неё верят.

Потому, что когда-то она была сделана.

* * *

Дома Вера ужинала стоя у кухонного окна. На стекле отражалась лампа, а за ним едва различались тёмные окна соседнего дома.

Она достала блокнот и написала новую строку:

«Руднев. Ошибочное отождествление в ведомственных данных? Не связано с описью без подтверждения».

Подумав, подчеркнула второе предложение.

Потом открыла вчерашнюю страницу.

Там оставались четыре объяснения невозможной даты. Ни одно пока не стало вероятнее остальных.

Вера собиралась закрыть блокнот, когда заметила собственную запись: «31/II — дополнительные расхождения».

Она провела пальцем по словам.

Дополнительные расхождения.

Не закрытые дела. Не исправленные ошибки.

Расхождения.

Если в журнале существовал отдельный раздел для таких записей, почему его обозначение попало в графу календарной даты? Возможно, дело заключалось в неверном переносе. Возможно, у журнала была внутренняя система обозначений. Всё это можно было проверить, когда появится разрешение.

Вера аккуратно переписала вопрос на новую страницу:

«Что считалось расхождением и кто имел право признать его устранённым?»

На этот раз ей не понадобилось ставить знак вопроса рядом с датой.

Вопрос относился не к февралю.

Он относился к людям, которые решали, какой документ считать окончательным.

Вера погасила свет.

Уже лёжа в постели, она вспомнила лицо Руднева в тот момент, когда он произнёс: «Я знаю, что не умирал».

Не испуганное.

Не возмущённое.

Почти равнодушное.

Так иногда говорят о факте, который слишком долго приходится повторять, чтобы он ещё мог кого-нибудь удивить.

И впервые за два дня Вера подумала не о том, как возникла невозможная дата.

Она подумала о том, кому понадобилось её сохранить.

Глава 3. Два регистрационных номера

К комиссии по передаче фонда Вера приготовила два вопроса, но задать собиралась только один.

Она не собиралась заниматься делом Руднева. Накануне она объяснила ему порядок обращения, а себе — необходимость не смешивать два обстоятельства, связь между которыми существовала пока только в её голове. Мужчина с ошибочной записью о смерти и невозможная дата в старой описи могли оказаться соседями исключительно по случайности. В архиве соседство документов почти никогда не означало соседства событий.

Но сегодня должна была состояться комиссия по передаче фонда. И после неё, как надеялась Вера, Людмила Павловна разрешит проверить происхождение обозначения «31/II».

Она поднялась по лестнице, прошла мимо закрытой двери отдела запросов и обнаружила в своём кабинете две одинаковые коробки. На каждой было написано: «Фонд 214. Учётный аппарат». Одну поставили на её стол, вторую — на соседний.

— Климов принёс, — сообщила Светлана. — Сказал, к комиссии.

— Кто распорядился?

— Людмила Павловна. Видимо, решила, что бумага должна производить впечатление.

Вера открыла первую коробку. В ней лежали акты приёма-передачи, книги поступлений и рабочие ведомости, относящиеся к фонду в целом. Документы не были личными делами воспитанников и входили в состав учётного аппарата. Их как раз следовало сверить до заседания.

Во второй коробке находились дубликаты описи №47, перечень единиц хранения и листы согласования. На верхнем листе карандашом было написано: «Для сверки соответствия номеров».

Вера не узнала почерк.

Она разложила документы, включила настольную лампу и решила начать с самого скучного — с номеров.

* * *

В старых ведомствах номера были похожи на имена. Они переходили из документа в документ, иногда менялись, иногда сохранялись дольше самих учреждений. Один номер мог относиться к папке, другой — к записи в журнале, третий — к поручению, по которому папку завели. Пока не установишь, какая именно система использовалась, одинаковые цифры ничего не доказывали.

Вера взяла перечень 2003 года и сравнила его с современной описью.

Позиция тридцать один — журнал регистрации служебных закрытий.

Позиция тридцать два — ведомости передачи.

Тридцать три — справки.

Тридцать четыре — ведомости сверки неурегулированных дел.

Состав совпадал.

Она поставила четыре аккуратные галочки и уже собиралась двигаться дальше, когда заметила в перечне дополнительную графу. В поздней описи её не было. Она называлась «Первоначальный регистрационный номер».

У позиции тридцать четыре стояло: «Б-31».

Вера проверила соседние строки.

«Б-28».
«Б-29».
«Б-30».
«Б-31».

«Б-33».

Она задержала карандаш над последней цифрой.

Отсутствовал Б-32.

Это было не обязательно ошибкой. Документ могли не передать в архив, признать не подлежащим хранению или включить в другую единицу. Но если первоначальные номера были последовательными, пропуск требовал объяснения.

Вера открыла передаточный акт. В нём перечислялось количество единиц хранения, но первоначальные номера не приводились. Она посмотрела приложение. Там был тот же перечень, только перепечатанный. «Б-31» присутствовал, «Б-32» — нет.

Она не записала слово «пропажа».

Написала: «В последовательности первоначальных обозначений отсутствует Б-32. Установить, применялась ли сплошная нумерация».

Светлана заглянула через плечо.

— Ты опять нашла несуществующее?

— Пока только пропущенное.

— Это уже прогресс. Вчера не существовало число, сегодня папка.

— Не папка. Номер.

— Я знала, что ты скажешь именно это.

Светлана отошла к принтеру, и Вера вернулась к перечню.

В строке Б-31 было ещё одно обозначение: «вх. 214/98».

Она нашла его в книге регистрации поступлений.

Запись относилась к передаче подборки документов внутри Комитета, а не к поступлению фонда в архив. Вера знала это по шапке книги и по характеру соседних записей. Однако само число 214 удивило её: столько же составлял номер архивного фонда.

На секунду ей захотелось соединить эти совпадения.

Она остановилась.

Архивный номер фонд получил позднее. Совпадение могло быть случайным, а могло возникнуть из-за переноса старого обозначения при учёте. Никаких оснований выбирать одну версию не было.

Вера выписала оба номера на отдельный лист и провела между ними не стрелку, а тонкую пунктирную линию.

* * *

В десять тридцать началось заседание комиссии.

Вера сидела у стены, ближе к шкафу, и записывала замечания. Комиссия состояла из четырёх сотрудников. Обсуждали сроки хранения, оформление заголовков и то, следует ли выделить из одного дела поздние приложения. Никто не говорил о судьбах людей, чьи фамилии могли когда-то встречаться в этих документах. Речь шла о составе фонда, количестве листов и возможности проверить описание.

Вера не считала это бессердечием. Для работы с архивом существовала своя мера ответственности. Иногда единственным способом не потерять чужую историю было правильно описать коробку, в которой она лежала.

Когда дошли до описи №47, Людмила Павловна зачитала замечания.

— По позиции тридцать четыре имеется некорректное обозначение крайней даты. Предлагается уточнить источник записи без изменения оригинала.

Один из членов комиссии, Сергей Антонович из методического отдела, поднял голову.

— А что там за дата?

— Тридцать первое февраля, — ответила Людмила Павловна.

Он не улыбнулся.

— В каком документе?

— В двух экземплярах описи и на обложке единицы хранения.

— А первичный учёт?

— Требует проверки.

— Тогда почему вы вообще вынесли вопрос как ошибку даты? Может быть, это обозначение, которое кто-то неверно поместил в графу?

Вера почувствовала неожиданную благодарность к этому человеку.

Людмила Павловна повернулась к ней.

— Ланская, вы это предполагали?

— Да. В учётном перечне журнала встречается «31/II». Но связь пока не установлена.

— Именно, — сказал Сергей Антонович. — Сначала происхождение, потом исправление. Иначе мы сами создадим новую ошибку.

Комиссия решила провести дополнительную сверку учётных обозначений в пределах доступной служебной документации. Вопрос о просмотре материалов с ограниченным доступом должен был рассматриваться отдельно.

Вера записала формулировку решения дословно.

Когда заседание закончилось, она поняла, что получила не ответ, а право правильно поставить вопрос.

Этого было достаточно, чтобы продолжать.

* * *

В обед Климов принёс ещё одну книгу.

— По вашей заявке, — сказал он.

— Я не подавала заявку на эту.

— Подавала начальница. Сказала, вам нужны регистрационные обозначения. Это книга учёта перемещений внутри фонда. Персональных материалов в ней нет, но работать здесь, под расписку.

Вера расписалась.

Книга была тяжёлой, с зелёной матерчатой спинкой. На первых страницах записи шли аккуратно, одним почерком. Дальше чернила менялись, появлялись исправления, карандашные пометки и приклеенные полоски бумаги.

Она нашла раздел, относящийся к описи №47.

Первоначальные номера были записаны в левом столбце, новые архивные — в правом.

«Б-28 — ед. хр. 31».

«Б-29 — ед. хр. 32».

«Б-30 — ед. хр. 33».

«Б-31 — ед. хр. 34».

Вера провела линейкой вдоль строки.

На первый взгляд всё сходилось.

Но ниже стояла ещё одна запись, выполненная другим почерком:

«Б-31 — учётный лист 34-а».

Тот же первоначальный номер.

Другое обозначение.

Она внимательно посмотрела на шапку страницы. Слева было написано «Документы, принятые на хранение», справа — «Материалы, оставленные в ведомственном учёте». Две графы не означали двух папок в архиве. Они обозначали разные судьбы документов.

Вера перечитала строки.

Б-31 оказался одновременно связан с архивной единицей хранения и с учётным листом, оставленным у прежнего владельца документов.

Такое могло быть совершенно законным: передают папку, а себе оставляют контрольную карточку. Но тогда где находился этот лист и что в нём было зарегистрировано?

Она посмотрела дату внесения записи.

Декабрь 2003 года.

В тот же месяц кто-то распорядился сохранить невозможную дату «по первичному учёту».

Вера записала совпадение, не называя его причиной.

И только теперь заметила, что запись «Б-31 — учётный лист 34-а» была внесена между строк. Места для неё в первоначальной таблице не оставили.

* * *

После обеда Вера проверила, как вообще велась перенумерация при передаче фонда.

В нескольких других описях встречались похожие таблицы. Где-то старый номер становился новым без изменений, где-то одна папка делилась на две, где-то несколько небольших дел объединяли. Система была неровной, но не хаотичной: изменения обычно сопровождались отметками о причине.

У Б-31 такой отметки не было.

Она просмотрела листы согласования, относящиеся к учётному аппарату. На одном стояла фраза: «Нумерация приведена в соответствие с фактическим составом».

Подпись.

Дата.

И ни слова о том, какой именно состав признали фактическим.

Вера почувствовала знакомое раздражение. Формулировка выглядела убедительно до тех пор, пока не пытались понять её содержание. «Приведена в соответствие» — с чем? «Фактический состав» — на какую дату? Кто проверял и по какому перечню?

Она вспомнила вчерашний вопрос из блокнота: кто имел право признать расхождение устранённым?

Теперь у неё появился более узкий вопрос: кто решил, что две записи с номером Б-31 относятся к одному учётному объекту?

Возможно, никто. Возможно, они действительно обозначали разные объекты, и она ошибалась, сравнивая их. Но это следовало установить, а не угадывать.

— Ты очень хмурая, — сказала Светлана.

— Это рабочее выражение лица.

— А какое нерабочее?

— Не помню.

Светлана села на край соседнего стола.

— Слушай, ты же понимаешь, что с такими старыми фондами можно всю жизнь искать идеальную последовательность номеров?

— Понимаю.

— Тогда зачем?

Вера посмотрела на два столбца.

— Потому что у нас нет права сделать вид, будто последовательность есть, если мы её не проверили.

Светлана хотела что-то ответить, но передумала.

— Ладно. Только поешь сегодня нормально.

Она оставила на столе Веры маленькую шоколадку и ушла.

* * *

В коридоре перед методическим кабинетом стоял узкий столик, на котором посетители обычно заполняли заявления. Сейчас на нём лежала стопка чистых бланков и коробка с кан-

целярскими скрепками. Вера остановилась у столика, чтобы ещё раз посмотреть на свою схему не под настольной лампой, а при дневном свете.

Она неожиданно заметила, что сама назвала два номера одинаковыми, хотя один из них относился к старому регистрационному ряду, а другой — к единице хранения. На схеме эта разница была очевидна. В разговоре — почти исчезала.

Сергей Антонович вышел из кабинета с кружкой в руке.

— Вы ещё здесь? — спросил он.

— Можно один вопрос о перенумерации?

— Если один, то можно.

Вера показала ему лист, не передавая подлинников.

— Как вы отличаете дубликат записи от двух разных объектов, если первоначальный номер совпадает?

Он не ответил сразу. Поставил кружку на подоконник, достал очки из кармана рубашки.

— Сначала выясняю, кто присвоил каждый номер. Не кто переписал. Именно присвоил. Ведомственный индекс и архивный шифр могут быть похожи случайно. А два одинаковых ведомственных индекса иногда принадлежат разным годам или разным регистрационным книгам.

— Здесь год указан только у одной записи.

— Значит, у второй пока нет года. Не надо переносить его по соседству.

Вера почувствовала, что он произнёс именно то, о чём она думала утром.

— И ещё, — добавил Сергей Антонович. — Смотрите на заголовок графы. В старых формах его иногда меняли, а строки перепечатывали без проверки. Получается очень убедительная ошибка: все цифры настоящие, только отвечают не на тот вопрос.

— Такое случалось с датами?

— Со всем. Особенно с обозначениями, которые выглядят как даты.

Он вернул ей лист.

— Но вы не цитируйте меня как заключение комиссии. Это методический совет. Заключение должно опираться на конкретную форму и конкретный источник.

— Понимаю.

— Вот и хорошо. Идите обедать. Документы за час не исчезнут.

Вера поблагодарила его и пошла к лестнице. На площадке пахло краской: рабочие подновляли перила. Под ногами лежала газета, защищавшая плитку от капель. Вера осторожно переступила её и вдруг подумала, что каждое учреждение всё время оставляет следы собственной переделки. Иногда новый слой краски помогает сохранить металл. Иногда закрывает надпись, которую потом приходится искать.

Она не стала записывать это сравнение. В рабочей справке ему не было места.

* * *

В столовой оставалось два свободных стола. Светлана уже сидела у окна с тарелкой супа и телефоном, экран которого лежал вниз.

— Ты опять ешь мысленно? — спросила она.

Вера поставила поднос.

— Сегодня я хотя бы пришла.

— Уже достижение.

Они несколько минут молчали. За окном грузовик сдавал задним ходом, и его короткие сигналы повторялись с такой правильностью, будто кто-то отмерял время. Светлана отложила ложку.

— Мне кажется, ты боишься, что если остановишься, всё снова станет просто ошибкой в описи.

Вера подняла глаза.

— А разве не может?

— Может. Я о другом. Ты работаешь так, словно должна успеть раньше, чем кто-нибудь скажет: ничего особенного.

Вера посмотрела на остывающий чай.

— Если выяснится, что ничего особенного нет, это тоже результат.

— Тогда разреши себе такой результат.

Вера не нашлась что ответить. Светлана вернулась к супу, не требуя объяснений. Именно за это Вера ценила её больше, чем за готовность помогать с поиском.

После обеда Вера перечитала свои записи и вычеркнула из черновика справки слово «дублирование». Вместо него написала: «два учётных соответствия, характер связи не установлен».

Разница занимала всего несколько слов. Но теперь справка не предлагала ответ раньше вопроса.

* * *

В четыре часа Вера составила краткую справку для Людмилы Павловны.

Она не употребляла слов «подмена», «сокрытие» и «фальсификация». В её распоряжении не было доказательств ни одного из этих действий.

В справке значилось, что в документах учёта выявлены два обозначения, связанные с первоначальным номером Б-31: архивная единица хранения №34 и ведомственный учётный лист 34-а. Требовалось уточнить, являются ли они разными документами, связанными экземплярами или результатом переноса регистрационного номера.

Она отдельно отметила, что отсутствие Б-32 в одном перечне само по себе не свидетельствует об утрате дела.

Людмила Павловна прочитала справку в её присутствии.

— Вы хорошо написали, — сказала она.

Вера удивилась. Похвала звучала почти подозрительно.

— Но зачем вам лист 34-а?

— Чтобы понять происхождение записи Б-31.

— Его у нас нет.

— Я знаю.

— Тогда на этом пока всё.

— Можно установить, куда он был передан или где оставлен.

Начальница отложила справку.

— Можно. Но прежде нужно выяснить, сохранилось ли учреждение-правопреемник и существует ли соответствующий учётный комплекс. Не надо отправлять запрос на основании одного совпадения цифр.

— Я предлагаю сначала проверить акт передачи.

— Проверяйте. В рамках решения комиссии.

Вера поднялась.

У двери Людмила Павловна добавила:

— И ещё. Если обнаружите расхождение, которое касается сведений о конкретном человеке, не пытайтесь решать его самостоятельно. Передайте в отдел запросов.

— Разумеется.

— Я не сомневаюсь. Просто напоминаю.

Вера кивнула и вышла.

Она не знала, было ли это обычным предупреждением или начальница имела в виду вчерашнего посетителя. Скорее всего, обычным. Людмила Павловна любила заранее оговаривать границы полномочий, особенно перед проверками.

Вера не стала придавать фразе особого значения.

* * *

К концу дня оставался один документ, который она ещё не проверила: акт передачи учётного аппарата в 2003 году.

Он находился в той же коробке, которую утром принёс Климов. Вера уже видела его, но не изучала приложение с перечнем регистрационных книг.

Теперь она открыла последнюю страницу.

В перечне значилось девять книг, три картотеки и один журнал учёта исправлений.

Внизу, после основной таблицы, была приписка: «Листы ведомственного контроля по разделу Б передаче не подлежат».

Вера прочитала её дважды.

Ниже стояла ссылка на внутреннее распоряжение Комитета. Только номер и дата, без текста.

Она сверила номер с регистрационным журналом распорядительных документов, доступным в составе учётного аппарата.

Распоряжение существовало. По заголовку оно касалось порядка передачи документов при реорганизации.

Содержание Вера пока не видела. И не собиралась домысливать.

Но теперь стало ясно хотя бы одно: лист 34-а не обязательно исчез. Его могли вообще не передавать в архив. Возможно, он остался в учреждении, которое впоследствии реорганизовали. Возможно, был уничтожен в установленном порядке. Возможно, до сих пор лежал в другой коробке.

Вера провела ладонью по столу, собирая мелкие крошки от старого картона.

Значит, следовало искать не отсутствующую папку, а судьбу документов, оставленных вне передачи.

Она достала лист со схемой.

Слева написала «Б-31».

От него провела две линии.

Одна вела к «ед. хр. 34».

Другая — к «лист 34-а».

Над второй поставила вопросительный знак.

Это было всё, что позволяли документы.

И всё же схема выглядела так, словно один номер однажды получил две разные дороги.

* * *

Когда Светлана ушла, Вера ещё несколько минут сидела над справкой.

Она думала о том, как легко человек привыкает к существованию единственной правильной записи. В паспорте стоит имя. В свидетельстве — дата. В описи — номер. Пока никто не задаёт вопросов, кажется, будто у каждой вещи имеется одно официальное место.

Но архив учил обратному.

Документ мог иметь первоначальный номер, новый номер, временный номер, индекс дела и номер записи в журнале. Иногда все они были правильными. Иногда один из них относился вовсе не к документу, а к действию, которое с ним совершили.

Ошибкой было не множество номеров.

Ошибкой было принять один за другой.

Вера закрыла книгу и подготовила её к возврату.

В этот момент она заметила на обороте листа согласования бледный оттиск штампа. Раньше его закрывала приклеенная полоска бумаги, которую никто не собирался отделять. Теперь при боковом свете проступали несколько букв.

Она повернула лист, не касаясь наклейки.

Можно было прочитать только:

«…учтено отдельно».

Ни даты, ни подписи.

Вера не стала делать из этого находку. Нечитаемая часть штампа не была доказательством. Она отметила его наличие в описании физического состояния и вернула документ на место.

На улице уже зажглись фонари.

Она собиралась выключить компьютер, когда вспомнила, что не проверила один простой вопрос.

Если в декабре 2003 года Б-31 сопоставили с архивной единицей №34, а контрольный лист оставили вне передачи, какой номер имел сам лист до этого?

«34-а» мог быть новым обозначением.

А мог существовать с самого начала.

Вера снова открыла рабочую таблицу.

В ней были две колонки: «Первоначальный номер» и «Номер после передачи».

Она ввела известные значения и оставила пустую клетку там, где не хватало данных.

Пустая клетка не требовала немедленного ответа.

Она требовала, чтобы её не заполнили догадкой.

Вера сохранила файл.

Завтра ей предстояло искать основание перенумерации. Если оно сохранилось, можно будет узнать, почему в учётных документах оказались два обозначения, связанные с одним первоначальным номером.

И только после этого возвращаться к невозможной дате.

Она выключила свет.

В тёмном экране на мгновение отразились две строки, которые она оставила рядом в бумажном блокноте:

«Б-31 — ед. хр. 34».

«Б-31 — учётный лист 34-а».

Один номер.

Две записи.

И ни одной причины пока считать их ошибкой.

Глава 4. Отказ в существовании

В пятницу Вера впервые увидела формулировку, из-за которой Илья Руднев пришёл в архив.

Она не искала её. В девять пятнадцать Марина Алексеевна, вернувшаяся после болезни специалист отдела запросов, принесла в кабинет папку с листом согласования.

— Людмила Павловна просила передать вам для проверки учётных реквизитов, — сказала она. — Только реквизитов. Ответ готовлю я.

Марина Алексеевна произнесла последнюю фразу не строго, а устало, как человек, которому за неделю пришлось несколько раз объяснить разницу между помощью и вмешательством.

Вера расписалась в журнале внутреннего движения документов. Папка была тонкой, новой, с напечатанным номером обращения. На лицевой стороне значилось: «Уточнение сведений о нахождении в учреждении. Руднев И. С.» Внутри находился проект ответа и лист, где требовалось проверить ссылки на архивные описи. Личные приложения к заявлению оставались в отделе запросов.

— Там всё сложнее, чем выглядит, — добавила Марина Алексеевна.

— Что именно?

— Ссылки. Один ответ ссылается на ведомость, второй — на выписку из неё. А в третьем вообще написано, что сведений не имеется. Мне надо понять, что из этого относится к нашему фонду.

— Вы проверяли первоисточник?

— Пока нет. И не хочу, чтобы мы по ошибке назвали первоисточником то, что является чужим ответом.

Вера кивнула. Это было разумно.

Она открыла проект. Первый абзац состоял из обычных служебных слов: «В ответ на ваше обращение сообщаем…» Во втором указывалось, что в переданных архиву материалах имеются учётные документы определённого периода. Третий содержал осторожную формулу о невозможности подтвердить конкретные обстоятельства без дополнительной проверки.

На листе согласования Марина Алексеевна оставила вопрос: «Уточнить, является ли запись об исключении из списков сведением о смерти?»

Вера прочла его дважды.

— Почему вы так поставили вопрос?

— Потому что в прежнем ведомственном ответе написано «исключён в связи со смертью». А в нашем перечне — только «исключён». Слова похожие, последствия разные.

— Можно увидеть реквизиты прежнего ответа?

Марина Алексеевна показала выписанные на отдельном листе дату, исходящий номер и наименование учреждения. Ни самого письма, ни личных сведений сверх необходимых для сверки она не передавала.

— Это письмо составляли не мы, — сказала она. — И не по нашему делу. Но человек получил его и теперь просит объяснить, почему у него не получается подтвердить пребывание в учреждении.

— В нашем фонде есть первичная запись об исключении?

— Пока неизвестно. Я прошу вас проверить, существует ли в описи единица хранения с соответствующим названием. Не содержание, только учётный аппарат.

Вера взяла карандаш.

— Тогда начнём с названия.

* * *

В проекте ответа стояло: «Сведения не имеются». Вера перечеркнула последние два слова и вписала: «В проверенных заголовках не обнаружены». На полях осталось место для перечня просмотренных описей.

Светлана разрезала ножницами упаковку с новыми папками.

— Опять правишь чужие слова?

— Сверяю, что они обещают человеку.

— И что обещают?

— «Не обнаружено» — значит, мы искали. Но Марина пока просит проверить только заголовки.

Светлана положила ножницы на стол.

— Тогда пусть так и напишет. Иначе он решит, что вы просмотрели всё дело.

Вера посмотрела на неё. Светлана редко вмешивалась в формулировки ответов, зато сразу услышала то, чего Вера добивалась целым абзацем.

— Именно, — сказала она.

Вера повернулась к экрану. В электронном перечне фонда 214 она нашла несколько единиц хранения с общими заголовками: ведомости движения воспитанников, сводные отчёты, переписка о расхождениях в учёте. По одним заголовкам установить судьбу конкретного человека было нельзя.

Она выписала номера и годы, не открывая закрытых материалов. Один из перечней относился к 1997 году, другой — к 1999-му. За 1998 год значился сводный журнал, но его название не содержало указания на исключение из списков.

Вера остановилась на последней строке.

Сводный журнал мог включать такие сведения. А мог не включать. Опись не давала ответа.

Она написала Марине Алексеевне: «По доступному учётному аппарату установлены потенциально относящиеся к запросу единицы хранения. Наличие конкретной записи и её значение без проверки содержания уполномоченным сотрудником не установлены».

Потом перечитала.

Фраза получилась тяжёлой, но точной.

* * *

В половине одиннадцатого Марина Алексеевна позвонила снова.

— Можно я поднимусь? У меня юрист пришёл. Он не просит дело, хочет уточнить, какие сведения мы вправе подтвердить.

— Какой юрист?

— Андрей Миронов. Представляет заявителя по доверенности. Людмила Павловна разрешила короткую консультацию у меня в кабинете. Я подумала, вы сможете объяснить устройство описи.

Вера посмотрела на открытый рабочий лист.

— Если речь только об учётных обозначениях — да.

Через десять минут они сидели в небольшой комнате отдела запросов. На подоконнике стоял принтер, давно переставший печатать ровно. Над шкафом висели часы, которые спешили на четыре минуты. Марина Алексеевна каждый раз смотрела на них, потом на монитор, словно надеялась, что одна из систем времени наконец уступит другой.

Миронов оказался мужчиной лет сорока, в тёмно-сером свитере и пиджаке, который выглядел слишком лёгким для ноябрьской погоды. Он представился без лишних слов, положил перед собой блокнот и сразу уточнил:

— Я понимаю, что вы не можете предоставить материалы без установленной процедуры. Мы сейчас не просим их показывать. Мне важно выяснить, о каком виде записи вообще идёт речь.

Вера почувствовала благодарность за эту фразу.

— По учётному аппарату нельзя установить содержание записи, — сказала она. — Но можно выяснить, какие документы должны были храниться и где они могли оказаться после передачи фонда.

— Значит, если прежнее учреждение написало «сведения отсутствуют», это не равнозначно тому, что человек там никогда не находился?

— Конечно, нет.

— А если оно написало «исключён в связи со смертью»?

— Нужно установить, на основании чего это написано. Это может быть пересказ записи, ошибочное толкование отметки или ссылка на другой документ. Я не могу выбрать вариант без источника.

Миронов сделал пометку.

— Спасибо. Это именно то, что я пытался объяснить клиенту.

Марина Алексеевна подвинула к нему проект ответа.

— Мы хотим написать, что сам факт смерти архивом не устанавливается.

— И правильно, — сказал Миронов. — Но я бы попросил уточнить: речь о том, что архив не располагает соответствующим основанием, или о том, что вы не проводили такую проверку? Для человека это разница.

Вера посмотрела на него внимательнее.

— Вы занимаетесь такими делами часто?

— Достаточно, чтобы не путать три вопроса. Есть ли человек. Есть ли запись о нём. И может ли конкретное учреждение выдать документ, который ему нужен.

Он помолчал.

— Иногда люди приходят ко мне после десяти отказов и говорят: «Мне сказали, что меня нет». А в бумагах написано совсем другое. «Не найдено в пределах имеющегося фонда». Только человек уже слышит не слова, а приговор.

Марина Алексеевна опустила глаза.

— Руднев как раз так и говорит.

— Потому что его много лет отправляют из одного учреждения в другое. И всякий раз начинают проверку заново.

— Но он живой, с документами, — сказала Вера. — Это ведь не оспаривается?

— Нет. Никто не отменял его паспорт. Никто не признавал его умершим в судебном порядке. Проблема касается прошлого: где он находился, когда и на каком основании выбыл из учреждения. От этих сведений зависит другое дело, которое он ведёт. Не хочу сейчас вдаваться в подробности без его согласия.

Вера кивнула. Граница была обозначена правильно.

— Тогда вам нужна цепочка источников, — сказала она. — Не число ответов, а происхождение каждой фразы.

Миронов впервые улыбнулся.

— Вот. Я это запишу именно так.

Он уже собирал бумаги, когда Марина Алексеевна попросила его подождать. На столе зазвонил внутренний телефон. Она выслушала собеседника, ничего не ответила и положила трубку экраном вниз.

— Согласование вернули, — сказала она. — Не приняли последнюю фразу.

— Какую? — спросил Миронов.

— «Сведения о смерти не подтверждаются». Юрист учреждения считает, что мы этим высказываемся о смерти человека, хотя проверяем только опись.

Вера попросила показать лист замечаний. На нём было написано всего два слова: «Превышение предмета».

— Он прав, — сказала она.

Марина Алексеевна подняла голову:

— А если убрать эту фразу, получится, будто мы опять ничего не ответили.

— Тогда не убирайте вопрос. Измените предмет ответа. Напишите, какие именно заголовки и реквизиты проверены, и отдельно — что по ним нельзя установить основание исключения из списков. Пусть будет видно, где проверка закончилась.

— И всё? — спросил Миронов.

— Пока всё. Вы просили не обещать того, чего архив не знает.

Марина Алексеевна достала чистый лист и переписала две строки. На первой попытке зачеркнула «не имеется» и поставила «не выявлено в проверенных учётных перечнях». На второй добавила годы и номера описей. Вера наблюдала, как меняется ответ: он становился длиннее, но переставал звучать как отказ самому человеку.

— Теперь можно отправлять на повторное согласование, — сказала Марина Алексеевна.

Миронов посмотрел на часы.

— Руднев ждёт в коридоре. Я скажу ему, что сегодня ответа не будет.

— Скажите ещё, что его обращение не закрыли, — попросила она.

Он кивнул. Вера подумала, что именно этого различия не было в старых письмах: между невозможностью ответить сейчас и окончательным отказом отвечать вообще.

* * *

После консультации Вера вышла в коридор и увидела Руднева.

Он сидел на скамье у окна с той же тонкой пластиковой папкой на коленях. Рядом лежала сложенная куртка. Он смотрел не на дверь отдела запросов, а на табличку «Приём граждан», прикреплённую напротив.

— Добрый день, — сказала Вера.

Он поднял голову.

— Здравствуйте. Я не хотел вас беспокоить. Андрей сказал, что вы помогаете с номерами.

— С учётными обозначениями. Это немного другое.

— Для меня теперь всё немного другое.

Она могла бы пройти дальше. Его дело вёл другой отдел, и разговор в коридоре не мог заменить официальный ответ. Но Руднев не пытался получить от неё документ. Он просто сидел и ждал.

— Вам объяснили, что проверка займёт время?

— Да. Я это понимаю.

Он провёл пальцем по краю папки.

— Знаете, что самое неприятное? Когда мне впервые написали про смерть, я даже рассмеялся. Подумал, перепутали. Позвонил, сказал: «Я вам сам говорю, что живой». А женщина на том конце ответила: «Мы не можем принять устное сообщение как основание для исправления сведений».

Вера не знала, что сказать.

— Она, наверное, имела в виду порядок исправления документа, — произнесла она.

— Я потом тоже так решил. Она ведь не виновата. Ей прислали одну бумагу, мне другую. Она видела свою. Я — свою.

Он посмотрел на руки.

— Только прошло много лет, а я всё ещё объясняю, что в одной бумаге ошиблись. И чем больше объясняю, тем меньше люди слушают. Словно сама необходимость объяснения делает меня подозрительным.

Вера вспомнила резолюцию 2003 года: «Сохранить по первичному учёту».

Иногда служебная формула переживала человека, который её написал, и продолжала действовать уже без его участия. Не как закон, а как привычка следующего сотрудника доверять предыдущему.

— Я не могу сказать вам, откуда взялась запись, — произнесла она. — Пока этого никто не установил.

— Но вы считаете, что установить можно?

— Считаю, что прежде надо выяснить, где её впервые сделали.

Руднев кивнул.

— Это уже больше, чем мне обычно говорят.

Он не поблагодарил её. И почему-то именно это показалось Вере правильным. Она ещё ничего для него не сделала, кроме того, что назвала следующий вопрос.

* * *

В обед Вера спустилась в столовую на первом этаже. Там подавали гречку, котлеты и салат из капусты, который с сентября почти не менялся. Она взяла чай и села у окна.

Миронов появился через несколько минут с бумажным стаканчиком кофе. Увидев её, остановился.

— Можно?

Вера указала на свободный стул.

— Вы всегда обедаете в архивах? — спросила она.

— Только когда утро прошло удачно.

— А оно прошло удачно?

— Мы впервые за несколько месяцев получили ответ, в котором не обещают решить всё сразу и не предлагают снова обратиться туда, откуда нас направили.

— Это низкая планка.

— В некоторых делах она оказывается недостижимой.

Он размешал кофе деревянной палочкой.

— Руднев сказал, вы занимаетесь старым фондом Комитета.

— Я занимаюсь сверкой учётной документации. Это не то же самое, что его запрос.

— Понимаю. Я не прошу сведений о фонде. Хотел только спросить, что вы делаете, когда два документа дают разные номера одного и того же дела.

Вера подняла глаза.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что такое бывает и у нас. Один номер — внутренний, другой — исходящий, третий появляется при передаче. Клиент видит три разных номера и думает, что документы подменили.

— А иногда подменяют, — сказала Вера.

Миронов перестал размешивать кофе.

Она сама удивилась своей резкости.

— Я хотела сказать, — продолжила она, — что нельзя заранее исключать ни ошибку, ни изменение учёта, ни вмешательство. Но начинать следует с правил нумерации. Иначе любое совпадение будет выглядеть подозрительно.

— То есть сначала нужно выяснить, что именно нумеровали.

— Да. Дело, запись, поручение, экземпляр, перемещение. У каждого своя система.

— А если правила не сохранились?

— Тогда приходится искать документы, где они применялись последовательно. И проверять, действительно ли последовательно.

Миронов посмотрел на неё с интересом.

— Вы так говорите, будто номера — это свидетели.

— Нет, — ответила Вера. — Свидетель может ошибиться и объяснить почему. Номер объяснить ничего не может. За него приходится говорить человеку.

Она увидела, что Миронов собирается задать следующий вопрос, и опередила его:

— В своём рабочем деле я тоже встретила два обозначения. Но это не связано с вашим клиентом. По крайней мере, никаких оснований так считать у меня нет.

— Я и не собирался связывать.

— Хорошо.

Они допили чай и кофе почти молча.

* * *

После обеда Людмила Павловна вызвала Веру к себе.

На столе начальницы лежали две папки и раскрытый календарь. На календаре красной ручкой было обведено девятое ноября.

— Марина Алексеевна сказала, вы помогали с ответом Рудневу.

— Проверяла заголовки и учётные ссылки. Содержание дела не изучала.

— Знаю. Она довольна. Но я хочу, чтобы вы чётко разделяли служебную сверку фонда и запросы граждан.

— Разделяю.

— У вас сейчас много вопросов по сорок седьмой описи. Не надо искать в каждом новом обращении подтверждение вашей версии.

Вера почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— У меня нет версии.

— Тогда тем более.

Начальница закрыла одну из папок.

— Скажите, что вы установили по Б-31?

— Что обозначение встречается в двух учётных связках. Одна относится к единице хранения тридцать четыре, другая — к ведомственному листу тридцать четыре «а», который в 2003 году не передавался. Я ищу основание перенумерации.

— Нашли?

— Пока только ссылку на внутреннее распоряжение о передаче при реорганизации.

— Само распоряжение?

— Ещё нет. Оно учтено в другом комплексе документов. Нужно оформить выдачу.

Людмила Павловна постучала ногтем по столу.

— Оформляйте. Но только в части учётных реквизитов. И ещё: не пытайтесь через это распоряжение выяснять сведения о конкретных воспитанниках. Если там такие сведения окажутся, остановитесь и согласуйте дальнейшую работу.

— Понимаю.

— Вы говорите «понимаю» так, словно я вас обвиняю.

— Нет. Я просто понимаю.

Людмила Павловна вздохнула.

— Вера, мне не хочется вас тормозить. Вы хороший специалист. Но хороший специалист иногда слишком уверен, что за всяким несоответствием стоит объяснение, которое он обязан найти сам.

— А разве не обязан?

— Обязан зафиксировать несоответствие и предложить способ проверки. Это не одно и то же.

Вера вышла из кабинета, держа в руках подписанное разрешение на выдачу учётного распоряжения.

Начальница была права.

И именно поэтому разрешение имело для неё значение: следующий шаг теперь можно было сделать не вопреки порядку, а благодаря ему.

* * *

К концу дня она нашла нужную ссылку.

В книге регистрации распорядительных документов за 2003 год значилось: «О порядке передачи учётных материалов при реорганизации. Приложение — таблица соответствия обозначений».

Само распоряжение хранилось в другой единице, выдача которой была назначена на понедельник. Вера записала шифр и проверила его дважды.

Никакой сенсации.

Обычный документ, который мог объяснить сразу несколько её вопросов.

Она уже собиралась закрыть книгу, когда увидела в соседней строке отметку о возврате приложения на доработку.

Причина была сформулирована коротко: «Отсутствует расшифровка сокращений».

Вера остановилась.

Не дата. Не имя. Даже не номер.

Сокращения.

Она вспомнила «31/II» в перечне старого журнала и две вертикальные черты на обложке под старой наклейкой. Возможно, эти обозначения были частью системы сокращений, которую в 2003 году не смогли или не захотели расшифровать.

Вера сделала запись в рабочем листе:

«Проверить наличие первоначальной таблицы сокращений и её редакций. Не отождествлять 31/II с календарной датой до установления источника».

Это было всё, что она могла сделать в пятницу.

За окном темнело. Светлана складывала бумаги в шкаф, Марина Алексеевна в соседнем кабинете разговаривала по телефону с посетителем, которому снова требовалось объяснить срок ответа.

Вера сохранила рабочий файл.

Она подумала о Рудневе, который годами носил с собой чужую фразу о собственной смерти. О Миронове, настаивавшем на различии между записью и событием. О Людмиле Павловне, которая требовала сначала определить пределы полномочий.

Все трое говорили, в сущности, об одном.

Документ мог быть подлинным и при этом содержать неправду.

Документ мог быть ошибочным и при этом иметь законное происхождение.

А отсутствие документа ничего не сообщало о том, что произошло с человеком.

Она закрыла блокнот.

На последней странице оставались две строки:

«Б-31 — ед. хр. 34».

«Б-31 — учётный лист 34-а».

Между ними Вера провела тонкую вертикальную черту, не соединяя записи.

Вера посмотрела на две строки по разные стороны черты. Кто-то однажды поставил их рядом — и следующий человек мог принять соседство за доказательство.

Она оставила между записями пустое место.

Глава 5. Пустая папка

Девятого ноября ключ от шкафа с учётными книгами торчал в замке, когда Вера вошла в пустую комнату.

Это было мелочью. В понедельник мелочи встречались чаще: забытые кружки, незакрытые ящики, распечатки на чужих столах. Но Вера вынула ключ и положила его в предназначенную для этого коробку. В комнате ещё никого не было. Она отметила время в журнале и включила настольную лампу.

За выходные она несколько раз мысленно возвращалась к двум строкам: «Б-31 — ед. хр. 34» и «Б-31 — учётный лист 34-а». В пятницу они казались двумя адресами одного документа. В воскресенье вечером она поняла, что это лишь привычка читать одинаковые обозначения как доказательство тождества. Старый индекс мог обозначать не дело, а операцию; мог переходить из журнала в журнал; мог быть присвоен повторно при смене системы учёта.

Утром она написала на отдельном листе: «Не считать Б-31 уникальным номером до проверки правил присвоения».

Эта фраза ей понравилась. Она ничего не объясняла и поэтому оставляла место для проверки.

В девять пятнадцать Климов принёс запрошенную папку с распорядительными документами 2003 года. Положил её на стол для служебной работы и дождался подписи.

— Та самая? — спросил он.

— Та самая.

— Листы не перепутайте. В прошлый раз её возвращали с замечанием по составу.

— Когда?

— Не помню. Я не по содержанию говорю. На обложке отметка.

Он показал карандашную запись у нижнего края: «Проверить приложение». Подписи не было.

— Ясно, — сказала Вера.

Климов ушёл. Она некоторое время смотрела на обложку. Отметка могла относиться к любому времени после формирования папки. Не стоило превращать её в ещё одно доказательство того, что кто-то сознательно прятал сведения.

Вера открыла дело.

* * *

Распоряжение называлось длинно: «О порядке систематизации и передачи учётно-справочных материалов в связи с завершением реорганизационных мероприятий».

Ниже стояла дата — четырнадцатое октября 2003 года. Текст был обычным. Подразделениям предписывалось подготовить перечни, устранить дублирование регистрационных обозначений, составить таблицу соответствия старых и новых индексов и передать документы по утверждённым спискам.

Вера уже знала, где искать самое уязвимое место таких распоряжений: в приложениях.

На третьем листе значилось: «Приложение №1. Таблица соответствия регистрационных обозначений — на шести листах».

Вера перелистнула страницу.

Далее шёл акт согласования, затем лист рассылки. За ним — заверительная запись.

Таблицы не было.

Она вернулась к третьему листу. Пересчитала листы, сверила нумерацию, проверила, нет ли вложения между обложкой и последней страницей.

Нет.

В деле находилось одиннадцать листов, и все одиннадцать были на месте. Заверительная запись это подтверждала. На обложке также значилось одиннадцать.

Приложение на шести листах в состав единицы хранения не входило.

Вера почувствовала знакомое раздражение: не от отсутствия документа, а от того, что язык распоряжения делал его присутствие почти осязаемым. «Приложение №1» звучало как вещь, которую можно взять в руки. Но ссылка на документ и сам документ — не одно и то же.

Она записала: «Приложение упомянуто в распоряжении; в выданной единице хранения отсутствует. Требуется проверить, подлежало ли оно включению в эту единицу».

Она выписала номер приложения и открыла перечень других описей: шесть листов могли храниться отдельно.

* * *

В половине десятого появилась Светлана. Увидев раскрытую папку, она сразу спросила:

— Ну что, разгадала календарь?

— Нашла распоряжение.

— И?

— В нём упоминается таблица. Таблицы здесь нет.

— Плохая новость для таблицы.

— Возможно, она хранится отдельно.

Светлана повесила пальто и придвинула стул.

— Ты ведь понимаешь, что эта таблица может быть совершенно скучной? Старый номер, новый номер. И всё.

— Надеюсь.

— Правда?

Вера подняла голову.

— Если у записи есть простое объяснение, я хочу его найти. Мне не нужна тайна ради тайны.

Светлана посмотрела на неё внимательнее, чем обычно.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто тайна уже тебе что-то должна?

Вера не ответила. Вопрос был слишком точным для понедельника.

Она закрыла распоряжение и пошла к Марине Алексеевне. Нужно было уточнить, не проходила ли таблица по отдельной описи. Сделать это можно было по регистрационным сведениям, без обращения к закрытому содержанию.

Марина сидела перед экраном и разговаривала с посетителем по телефону. Она показала Вере свободный стул, но та осталась стоять. Разговор закончился только через пять минут.

— По Рудневу пока нет нового, — сказала Марина, едва положив трубку.

— Я не по нему. По приложению к распоряжению 2003 года.

— Это хорошо. Хоть один вопрос, который не требует объяснять человеку, почему архив не может подтвердить то, чего не видел.

Вера изложила просьбу. Марина открыла регистрационный журнал и сверила индекс распоряжения.

— Здесь запись о направлении приложения на доработку. Мы её уже видели. А вот отметки о повторном поступлении я не нахожу.

— Может быть, отдельная регистрация?

— Может. Или не вернули. Или вернули под другим индексом. Если хочешь, сделай запрос на сверку номенклатуры дел за этот год.

— Мне нужно разрешение?

— На учётный аппарат — в пределах твоего задания. На сами документы — по их режиму. Ты это знаешь.

— Знаю.

Марина помолчала.

— Вера, ты ведь не думаешь, что отсутствие приложения обязательно что-то означает?

— Означает, что мы пока не можем проверить соответствие номеров.

— Вот именно.

* * *

К одиннадцати Вера нашла в номенклатуре за 2003 год отдельную позицию: «Таблицы переходных регистрационных обозначений. Проекты, согласования, уточнения».

Напротив стоял срок хранения и индекс подразделения. Но шифра архивной единицы не было. В графе примечаний значилось: «По месту формирования».

Это выражение было ещё менее полезным, чем «особый порядок учёта». По месту формирования могло означать кабинет, канцелярию, комнату в другом здании или коробку, которую никто не включил в передаточный акт.

Вера подняла книгу движения дел при реорганизации. На нужной странице обнаружилась запись о передаче двух папок в комиссию по ликвидации. Обе обозначены как приложения к распоряжению. Одна имела индекс «П-1», другая — «П-1а».

У первой в графе получателя стояла подпись.

У второй — прочерк.

Вера придвинула лист к свету. Прочерк был сделан чернилами того же цвета, что и остальные записи. Когда именно его поставили, по цвету определить было нельзя.

Она выписала оба индекса.

«П-1».

«П-1а».

Рядом — «Б-31» и «34-а».

Сходство окончаний начинало раздражать. Буква «а» могла означать дополнительный лист, новый вариант, отдельную папку или всего лишь способ избежать повторения номера.

Вера положила карандаш.

Не нужно соединять то, что пока не соединяется.

Она пошла к Людмиле Павловне.

* * *

Начальница выслушала её, не перебивая.

— В распоряжении приложение есть, в составе дела его нет, — подытожила она. — И вы нашли возможное место его отдельного хранения.

— Не место. Индекс в номенклатуре и запись о передаче комиссии.

— Тем более. Что предлагаете?

— Сверить документы ликвидационной комиссии по учётным описаниям. Если там есть отдельная единица, запросить её в установленном порядке.

Людмила Павловна взяла служебную записку и прочитала.

— Хорошо. Только не используйте слово «пропажа». Здесь нет подтверждённого факта утраты.

— Я не использовала.

— Вижу. Поэтому и говорю, что хорошо.

Она подписала разрешение на проверку учётного аппарата смежного фонда.

Вера взяла лист, но не ушла.

— Можно спросить?

— Конечно.

— Почему в 2003 году вообще понадобилась таблица соответствия? Если дела просто передавали, разве недостаточно было описи?

Людмила Павловна задумалась.

— У них менялись структуры и регистрационные правила. Могли объединять журналы. Могли разделять. Таблица как раз нужна, чтобы не потерять связь между старым и новым учётом.

— А если её не составили?

— Тогда часть связей придётся восстанавливать по косвенным сведениям. Но это не означает, что сами документы исчезли.

Вера кивнула.

— Я понимаю.

— И ещё, Ланская. Не путайте описание документа с его содержанием. Вы пока исследуете первое.

— Да.

— Держитесь этого различия.

* * *

Смежный фонд принадлежал ликвидационной комиссии. Его учётные документы хранились отдельно, в шкафу возле комнаты приёма запросов. Вера проверила перечень переданных единиц и быстро нашла нужную строку.

«Переходные таблицы учётных обозначений. 2003 г.»

Номер единицы хранения — девятнадцать.

В графе объёма — «1 папка».

Ни количества листов, ни подробного заголовка.

Вера проверила журнал выдачи. Последняя запись относилась к 2019 году, когда проводилась частичная оцифровка фонда. Напротив стояла отметка: «Без сканирования. Требуется уточнение состава».

Вера некоторое время смотрела на эту фразу.

В 2003 году приложение отправили на доработку. В 2019-м состав папки снова вызвал вопрос. Между двумя датами лежали шестнадцать лет, в течение которых никто, судя по доступным отметкам, не завершил сверку.

Но даже теперь нельзя было утверждать, что речь шла об одном и том же приложении.

Она подала заявку на выдачу единицы девятнадцать.

Климов принёс её после обеда.

Это была тонкая серая папка с тесёмками.

На обложке аккуратным почерком стояло: «Переходные таблицы. Проекты и согласования».

Вера проверила архивный шифр, затем развязала тесёмки.

Внутри лежал один лист.

Не таблица.

Не проект.

Акт о том, что при подготовке к оцифровке в 2019 году в папке обнаружен только лист-заверитель, а остальные материалы в составе данной единицы отсутствуют. В акте отдельно оговаривалось, что первоначальный состав папки по имеющимся учётным данным установить не удалось.

Вера прочитала акт дважды.

На первый взгляд папка была пустой. Точнее, почти пустой: в ней сохранился документ, удостоверявший отсутствие других документов.

Вера невольно усмехнулась. Архив умел фиксировать пустоту с такой обстоятельностью, с какой другие учреждения описывали имущество.

Но смех быстро прошёл.

Перед ней была не пропажа, доказанная документально. Перед ней была папка, первоначальное наполнение которой никто не мог подтвердить.

В акте 2019 года стояли подписи двух сотрудников и указание на необходимость дальнейшей проверки. Отметки о её завершении не было.

Вера закрыла папку и снова открыла.

На внутренней стороне обложки, под потемневшей полосой от старого клея, сохранился машинописный фрагмент этикетки:

«…таблица соответствия… Б-…»

Остальное было оборвано.

Она не стала прикасаться к наклейке. Попросила Климова осмотреть состояние обложки и внесла наблюдение в лист проверки.

— Могла оторваться при переносе, — сказал он.

— Могла.

— Могли и папку использовать повторно.

— Могли.

Климов взглянул на неё.

— Вы сегодня на всё соглашаетесь.

— Потому что пока ничего не могу исключить.

* * *

Прежде чем вернуть единицу девятнадцать, Вера заметила, что в акте 2019 года есть ссылка на ведомость состояния обложек. В самой папке ведомости не было. Она попросила Климова найти номер регистрации акта, и тот вынул из шкафа узкую книгу с выцветшей тканевой спинкой.

— Сначала распишитесь за просмотр, — сказал он, придвигая журнал. — А то потом окажется, что я вам полхранилища на слово выдавал.

На странице за март 2019 года значились четыре папки. Напротив девятнадцатой была короткая помета: «Клейкое крепление нарушено. Остаток этикетки не отделять». У двух соседних единиц стояло «переплёт ослаблен». Никаких выводов о содержании запись не делала.

— Значит, эту наклейку уже видели, — сказала Вера.

— Конечно. Иначе не написали бы.

— Почему её не сфотографировали?

Климов провёл пальцем вдоль строки, не касаясь текста.

— Может, фотографировали. А может, тогда не было задачи. Не всё, что заметили, сразу попадает в цифровой каталог.

— Я могу запросить снимок, если он есть?

— Можете через ответственного за обработку. Только не надо сейчас отклеивать уголок, чтобы прочитать последнюю букву.

Вера посмотрела на обложку. Под прозрачным следом старого клея угадывалась тёмная полоса. Казалось, достаточно поддеть её ногтем, и скрытая часть надписи станет видна. Именно поэтому она отодвинула папку от края стола.

— Не буду.

— Верю, — сказал Климов. — Вы обычно опаснее для собственных гипотез, чем для документов.

Она не сразу поняла, шутит ли он. Потом засмеялась — неожиданно громко для хранилища.

Климов принёс карточку движения единицы. В ней было всего три записи: приём, проверка 2019 года и сегодняшняя выдача. Строка «приём» содержала дату, но не сведения о первоначальном количестве вложений. Вера сравнила карточку с актом и впервые за день почувствовала, что дошла до границы доступного учёта. Дальше можно было либо ждать новых источников, либо начать додумывать недостающее.

— Вы давно здесь работаете? — спросила она.

— Достаточно, чтобы помнить, как одну и ту же коробку трижды называли по-разному. А что?

— Вы когда-нибудь видели, чтобы в акте приёма числилась папка, а содержимое не описывали?

— Постоянно. Особенно при передаче после ликвидации. Принимали по внешним признакам, потом уточняли. Иногда уточнить уже было не у кого.

— И никто не считал это нарушением?

— Считали. Но запись о нарушении не возвращает людей, которые составляли старый перечень.

Климов взял карточку обратно. Вера попросила его оставить папку на служебном столе до завершения осмотра и оформила это в журнале. Не из-за надежды на внезапную находку. Просто она хотела, чтобы следующий человек, открывший единицу девятнадцать, увидел не только её вопрос, но и точный перечень того, что уже проверено.

В рабочем листе она добавила три строки: «Остаток этикетки отмечен в 2019 году. Фотографирование не подтверждено. Первоначальный состав единицы по карточке движения не установлен».

На полях не осталось места для слова «подмена». И это было правильно.

* * *

После трёх позвонил Андрей Миронов.

Вера не сразу узнала номер. Они говорили всего один раз, и тогда он представлял интересы Руднева.

— Извините за беспокойство, — сказал он. — Марина Алексеевна сообщила, что по нашему обращению готовится промежуточный ответ. Я хотел уточнить, правильно ли мы понимаем формулировку.

— Это лучше обсудить с отделом запросов. Я не уполномочена комментировать ответ до его отправки.

— Понимаю. Я не прошу ничего из материалов. Только хочу избежать ошибки в следующем обращении. Если архив не нашёл запись о выбытии, это ведь не значит, что выбытия не было?

— Не значит. Это означает только то, что запись не выявлена в проверенных источниках. Нужно точно указать, какие источники проверены.

— Спасибо. Это и хотел услышать.

Он помолчал.

— Илья Сергеевич уверен, что кто-то когда-то переписал его историю. Я объясняю ему, что уверенность и доказательство — разные вещи.

Вера посмотрела на серую папку, лежавшую перед ней.

— Вы правильно объясняете.

— А он говорит: если бумаги не сохранились, значит, ничего не докажешь.

— Не обязательно. Но иногда именно так и бывает.

Миронов не ответил сразу.

— Хорошо, что вы не обещаете невозможного.

Когда разговор закончился, Вера ещё несколько секунд держала телефон в руке. Она не сообщила Миронову ни об описи, ни о таблицах. Не было оснований связывать его клиента с обнаруженными обозначениями.

И всё же его вопрос оказался созвучен тому, что она делала весь день.

Как установить прошлое, если сохранился только след документа, а сам документ исчез из поля зрения?

Не «исчез», поправила она себя.

Не найден.

* * *

К вечеру Вера составила перечень проверенных источников. Получилось две страницы. Она отметила, где обнаружена ссылка на приложение, где — запись о его доработке, где — индекс возможной отдельной папки, а где — акт 2019 года о неустановленном составе.

Ни один из этих документов не говорил, что таблицу уничтожили.

Ни один не подтверждал, что она вообще была окончательно утверждена.

Вера перечитала собственные записи и увидела слабое место: она предполагала, что «П-1» и «П-1а» относятся к одному комплекту, но ещё не проверила регистрационные правила ликвидационной комиссии.

Она открыла справочник по составу фонда. В конце имелась ссылка на «Алфавитный указатель учётных индексов» — отдельную книгу, не включённую в выданную папку.

Вера переписала шифр.

Книга могла оказаться бесполезной. Могла содержать только перечень подразделений. Но впервые за день у неё появился способ проверить гипотезу, не разыскивая исчезнувшую таблицу.

Она закрыла рабочий файл и отправила Людмиле Павловне краткое сообщение: «Сверка выполнена. Обнаружена отдельная единица с актом 2019 года о неустановленном составе. Предлагаю проверить индексный указатель и уточнить историю формирования папки».

Ответ пришёл через несколько минут: «Согласна. Завтра».

Вера погасила лампу.

В коридоре уже выключили половину света. Через стекло двери было видно, как Климов в конце коридора закрывает металлический шкаф.

Она вспомнила, как в детстве мать учила её собирать школьный портфель с вечера. Тетради, учебники, пенал — всё по списку. Если чего-то не было, Елена никогда не говорила, что вещь украли. Сначала они искали под столом, в прихожей, за диваном. И только потом признавали, что вещь потеряна.

Вера давно не думала об этом маленьком правиле. Теперь оно казалось почти профессиональным.

Вещь могла не находиться там, где ей полагалось быть.

Это ещё не значило, что кто-то её спрятал.

Но если на протяжении многих лет разные люди отмечали одно и то же отсутствие, вопрос постепенно менялся.

Не «куда делась папка?».

А «почему никто так и не установил, что должно было в ней находиться?».

* * *

На улице похолодало. Вера подняла воротник и пошла к остановке, хотя домой обычно возвращалась пешком.

Телефон коротко завибрировал. Пришло сообщение от Светланы: «Ты опять забыла обед. В холодильнике твой контейнер».

Вера улыбнулась. Ответила: «Завтра съем».

Автобус задерживался. На электронном табло время прибытия сменилось с четырёх минут на семь.

Она достала блокнот и открыла страницу с двумя старыми строками:

«Б-31 — ед. хр. 34».

«Б-31 — учётный лист 34-а».

Ниже добавила:

«П-1 / П-1а — значение не установлено».

«Ед. хр. 19 — состав по состоянию на 2019 год не установлен; не считать доказанной утратой таблицы».

Вера перечитала записи. Получилась не разгадка, а аккуратно описанная область незнания.

Она уже собиралась убрать блокнот, когда заметила собственную ошибку.

В рабочем листе она несколько раз называла папку девятнадцать «пустой». Но она не была пустой. В ней находился акт. И на обложке оставался обрывок этикетки.

Существовали следы того, как папку описывали и проверяли.

Пустой она была только в том смысле, в каком человек называет пустым конверт, если в нём нет письма, которого он ждал.

Вера зачеркнула слово «пустая» в заметке и написала: «Без предполагаемого приложения».

Подъехал автобус.

Она вошла, села у окна и посмотрела на отражение своего лица в тёмном стекле.

На следующей остановке вошёл мужчина с мокрой картонной папкой под мышкой. Он придерживал её обеими руками, хотя автобус почти не качало.

Вера отвернулась от окна. Утром она попросит проверить документы, составленные до передачи дела в архив.

Глава 6. Список невозможных дней

Утром десятого ноября Вера обнаружила, что слово «пустая» продолжает жить своей жизнью.

Вчера она вычеркнула его из блокнота. Сегодня оно стояло в теме письма, которое прислала Светлана: «По пустой папке — смотри вложение». Вложением оказалась фотография старой схемы размещения фондов, сделанная Светланой для внутреннего рабочего отчёта. На схеме был обозначен шкаф, из которого несколько лет назад перенесли учётные материалы смежного фонда.

Вера открыла снимок и увеличила подпись под шкафом. Там значилось: «Указатели. Временные ведомости. Неописанное».

— Неописанное, — повторила она.

В архиве это слово никогда не означало, что документов не существует. Оно означало, что их ещё не удалось поместить в надёжную систему описания. Разница казалась очевидной только тому, кто ежедневно имел дело с такими системами.

Светлана вошла с мокрым зонтом и поставила его в ведро возле двери.

— Видела?

— Видела. Откуда фотография?

— Из отчёта за девятнадцатый год. Я тогда помогала переносить коробки. Не помню, что в них было, зато помню, как у меня после этого болела спина.

— Ты помнишь, кто составлял перечень?

— Климов подписывал выдачу. Составляла, кажется, Галина из соседнего отдела. Но она уже на пенсии.

Вера поблагодарила её и открыла рабочую карточку. На вчерашнее замечание начальница поставила резолюцию: «Проверить учётный указатель и сведения о формировании единицы. Без просмотра документов ограниченного доступа».

Формулировка была достаточно ясной. Вера распечатала лист задания, поставила дату и пошла к Климову.

* * *

В хранилище было теплее, чем вчера. Термометр возле входа показывал восемнадцать градусов. Климов переписывал показания приборов в журнал и при этом тихо насвистывал мелодию, которую Вера не узнала.

— Мне нужен указатель учётных индексов по двести четырнадцатому и смежным поступлениям, — сказала она.

— Какой год?

— По возможности первоначальный. До передачи две тысячи третьего.

Климов перестал свистеть.

— Это не одна книга. Там карточки были. И отдельные листы.

— В описи указано «алфавитный указатель».

— В описи много чего указано.

Он произнёс это без насмешки, как человек, сообщающий погоду.

— Выдать сможете?

— Учётный аппарат — смогу. Только сначала посмотрим, что числится. Старые карточки могли включить в другую единицу.

Они вместе проверили шкаф и регистрационную книгу. Указатель обнаружился не там, где ожидала Вера: не среди материалов Комитета, а в коробке с рабочими инструментами архивной обработки. На её боковой стороне стояла надпись «Служебные справочники. Не для читального зала».

Климов поставил коробку на стол.

— Тут не всё из одного фонда. Когда приводили в порядок поступления, складывали справочные карточки вместе. Поэтому сначала смотрите, что относится к чему.

Вера раскрыла коробку.

Внутри лежали три картонные папки, две тетради и пачка карточек, стянутая выцветшей лентой. На одной тетради значилось «Указатель обозначений», на другой — «Сверка. Черновые записи».

— Можно работать здесь?

— Здесь и работайте. Я отмечу выдачу на стол. А потом вернёте в том же порядке.

Вера кивнула. Она не стала развязывать ленту сразу. Сначала записала состав коробки, отметила состояние обложек и расположение вложений. Затем открыла первую тетрадь.

На её первой странице кто-то старательно вывел: «Обозначение не заменяет номер единицы хранения».

Вера задержала взгляд на фразе.

Это было почти предупреждение. И всё же оно не сообщало, кто и зачем его написал.

* * *

Указатель оказался устроен неудобно. В левой графе стояли обозначения, в средней — номера внутренних ведомостей, в правой — короткие пояснения. Некоторые строки были перечёркнуты. Несколько страниц вклеили позже. На полях встречались ссылки на другие журналы, не всегда с понятным сокращением.

Первые записи выглядели привычно: «А-1», «А-2», «Б-1». Затем начинались пропуски.

После «Б-29» шло «Б-31».

Вера вспомнила два регистрационных номера, с которых началась её последняя неделя. Но не стала возвращаться к ним немедленно. Ей нужно было понять принцип указателя целиком.

Она перелистнула страницу.

Внизу, под чертой, стояла запись: «31/II — см. Б-31; сверка отложена».

Почерк отличался от основного. Более тонкие буквы, наклон вправо. Дата внесения отсутствовала.

Вера аккуратно переписала строку в рабочий лист.

Теперь связь между «31/II» и «Б-31» имела документальную опору. Но это ещё не объясняло превращения обозначения в «31.02.1998» и не доказывало, что речь шла об одном и том же деле. Указатель мог отсылать к группе материалов, а не к конкретной папке.

Она продолжила чтение.

На следующем развороте встретилось обозначение «30/II».

Вера посмотрела на него и почувствовала знакомое движение мысли — слишком быстрое, чтобы ему доверять.

Тридцатое февраля.

Но запись «30/II» могла означать тридцатый номер второго раздела. В таком виде она не была невозможной датой.

Чуть ниже стояло «31/IV».

Тридцать первое апреля — если читать как календарь.

Ещё через страницу — «31/VI».

Тридцать первое июня.

Она остановилась.

Три обозначения. Каждое могло быть обычным индексом. Вместе они слишком настойчиво напоминали даты, которых не существовало.

Вера взяла чистый лист и разделила его на две колонки.

Слева написала: «Как записано в источнике».

Справа: «Как можно ошибочно прочитать».

В первую внесла «31/II». Напротив — «31 февраля».

Во вторую — «30/II». Напротив — «30 февраля».

В третью — «31/IV». Напротив — «31 апреля».

В четвёртую — «31/VI». Напротив — «31 июня».

Она отложила карандаш. Это был список невозможных дней — но только во второй колонке, созданной ею самой. В исходном документе никто пока не называл их датами.

Именно поэтому она не имела права радоваться находке.

* * *

Вера проверила остальные страницы и обнаружила ещё два подобных обозначения: «31/IX» и «31/XI». Для сентября и ноября тридцать первый день тоже не существовал. Пять дополнительных строк, если считать вместе с «30/II» и не включать уже известное «31/II», — всего шесть подозрительных сочетаний.

Однако не все записи в указателе выглядели так. Рядом встречались «12/V», «17/VIII», «4/X». Они прекрасно соответствовали возможным календарным датам, но могли быть точно такими же внутренними индексами.

Вера перечитала пояснения.

У «30/II» стояло: «Сверка данных выбытия».

У «31/IV»: «Неодинаковая запись основания».

У «31/VI»: «Повторная регистрация».

У «31/IX»: «Не подтверждено приложением».

У «31/XI»: «Проверить первоначальный источник».

Пояснения были разнородными. Никакой единой категории «несуществующие даты» в указателе не было.

Вера задумалась, почему всё-таки заметила именно эти шесть строк. Возможно, потому что уже искала невозможную дату. Если бы она пришла к указателю без предварительного вопроса, её взгляд прошёл бы мимо.

Она записала: «Выборка обусловлена первоначальной гипотезой. Нужна проверка всей системы обозначений».

Это замечание немного остудило её интерес, но сделало находку честнее.

Климов подошёл к столу, неся стопку коробочных ярлыков.

— Что-то получилось?

— Нашла несколько обозначений с одинаковым устройством.

— Устройство — это хорошо. Значит, не всё перепутано.

— А если оно выглядит как дата, которой не существует?

Климов поставил ярлыки.

— Тогда надо спросить, кто решил, что это дата.

Вера подняла голову.

— Вы знаете, как их составляли?

— Нет. Но если написано через дробь, я бы сначала считал это индексом. У нас раньше и кварталы так обозначали, и разделы, и порядковые номера. Потом кто-нибудь ставил точки — и получалось будто дата.

— А если точки поставили ещё в ведомстве?

— Тогда выясняйте, зачем. Только не у меня. Я в девяносто восьмом здесь не работал.

Он ушёл, оставив её с неожиданно точным ответом.

Сначала установить, кто решил, что запись означает дату.

Не кто её придумал. Не кто скрыл. Не кто виноват.

Кто впервые придал обозначению календарный смысл.

* * *

К обеду Вера успела сверить шесть строк с доступными учётными карточками. Две карточки не обнаружились в коробке. Одна относилась к ведомости, которая, по старому перечню, осталась в учреждении. Ещё три имели ссылки на описи разных поступлений.

Она составила таблицу, но намеренно не назвала её «списком невозможных дат». Заголовок был сухим: «Совпадающие по форме индексы в учётном указателе».

Для каждого индекса она указала источник, состояние проверки и степень уверенности.

В последней графе почти везде стояло «Не установлено».

Когда Светлана пришла за чайником, Вера показала ей таблицу.

— Смотри. Это похоже на систему?

Светлана прочитала строки.

— Похоже на то, что у тебя теперь много работы.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Ты нашла шесть записей, которые можно прочитать как неправильные даты. А сколько всего записей в указателе?

— Сто восемьдесят четыре.

— И сколько из них вообще можно прочитать как даты?

Вера не ответила.

— Вот, — сказала Светлана. — Если половина, то твои шесть ничего не значат. А если только эти шесть — тогда интереснее.

Вера посмотрела на неё с уважением.

— Ты права.

— Запиши, пока не забыла.

— Уже.

Светлана рассмеялась.

— Иногда мне кажется, ты даже сны протоколируешь.

— Только противоречивые.

Когда коллега ушла, Вера вернулась к указателю и начала считать. Работа заняла почти час. Из ста восьмидесяти четырёх обозначений сто девять имели вид «число/римская цифра». Остальные были буквенными или смешанными. Среди ста девяти сочетаний встречались и календарно возможные, и невозможные. Подозрительные шесть не были единственным исключением из правил.

Она почувствовала разочарование, но не удивилась ему.

Хорошая гипотеза должна переживать проверку. Плохая обычно требует, чтобы проверку прекратили вовремя.

Вера решила сравнить не сами числа, а пояснения к ним.

Тогда обнаружилось другое совпадение.

Все шесть подозрительных индексов сопровождались словами, указывающими на неразрешённое расхождение: «проверить», «не подтверждено», «повторная», «неодинаковая», «отложена». В большинстве остальных строк стояли нейтральные обозначения ведомостей и разделов.

Это ещё не доказывало особого значения. Но теперь у неё появилась проверяемая связь, не основанная только на календаре.

Она внесла её в таблицу.

* * *

После трёх часов Вера взялась за вторую тетрадь — «Сверка. Черновые записи».

На первых страницах были обычные списки: номер, количество листов, отметка о проверке. Затем следовали страницы, исписанные разными почерками. Некоторые записи были сделаны простым карандашом, другие — синими и фиолетовыми чернилами.

На полях двадцать второй страницы Вера увидела фамилию.

«Гордеев».

Ни имени, ни должности.

Рядом значилось: «Сводку представить к совещанию».

Вера не придала этому особого значения. В старом фонде Комитета фамилия должностного лица могла встречаться десятки раз. Чтобы понять её роль, требовалось хотя бы установить, кто именно подписывал распоряжение и что представляла собой сводка.

На двадцать шестой странице фамилия повторилась.

«По замечаниям — Гордееву».

Ниже шёл перечень из четырёх обозначений, два из которых Вера уже внесла в таблицу.

Она замерла.

Первый раз фамилия могла быть случайной. Второй создавал связь. Но связь между должностным лицом и рабочими замечаниями сама по себе не была подозрительной: руководитель мог получать их по служебным обязанностям.

Вера переписала строки, не меняя их порядка.

Затем проверила титульный лист тетради. Там стояло только: «Для работы комиссии». Год отсутствовал.

— Без даты, — сказала она тихо.

Ей захотелось перевернуть все страницы сразу, отыскать ещё одно упоминание и собрать доказательство, которое можно было бы показать кому-нибудь уже сегодня. Вместо этого она остановилась и сделала то, что всегда делала при слишком быстром развитии мысли: проверила бумагу.

На тетради были следы нескольких периодов работы. Некоторые листы подклеили позже. Записи могли относиться к разным годам. Даже фамилия одного человека не гарантировала, что оба упоминания сделаны одновременно.

Она отметила это в рабочем листе.

Вопрос теперь звучал иначе: кто составлял сводки, кому их передавали и сохранились ли регистрационные следы передачи?

* * *

Людмила Павловна выслушала доклад без видимого интереса. Она сидела за столом, на котором лежали два календаря: настольный и настенный. На обоих красным были обведены даты предстоящих проверок.

Вера положила перед ней таблицу.

— Указатель содержит шесть сочетаний, которые при календарном прочтении дают невозможные даты. Но первоначально они записаны как индексы. Я не утверждаю, что это даты.

Начальница прочитала первый столбец.

— И правильно не утверждаете.

— Есть ещё общие пояснения о неурегулированных расхождениях. И несколько ссылок на сводки, направленные Гордееву.

Людмила Павловна подняла глаза.

— Какому Гордееву?

— В тетради только фамилия. Нужно установить по кадровым и распорядительным документам.

— Михаил Павлович Гордеев работал в Комитете, — сказала начальница после паузы. — В те годы он занимал руководящую должность. Но фамилия в рабочей тетради не означает, что он имеет отношение к вашим датам.

— Я это понимаю.

— Хорошо. Потому что у вас уже получается история о человеке, которого вы не знаете, и документах, назначение которых пока не установлено.

Вера почувствовала, как напряглись пальцы.

— Поэтому я и прошу проверить историю указателя.

— Проверяйте по доступным учётным источникам. Сначала происхождение тетради, потом ссылки. Никаких запросов в сторонние учреждения от своего имени.

— Согласна.

Людмила Павловна вернула таблицу.

— И ещё, Ланская. Не употребляйте в служебных записках выражение «невозможные дни». Это красиво, но не точно.

Вера кивнула.

Она и сама так считала.

* * *

После разговора с начальницей Вера вернулась в хранилище за тетрадью. Климов уже собирался закрывать рабочий стол: на свободном краю лежала плотная бумага, которой он накрывал выданные справочники на время перерыва.

— Мне ещё двадцать минут, — сказала Вера.

— Двадцать так двадцать. Только без перестановки карточек. У нас вчера после проверки одна пачка оказалась в другой коробке.

— Нашли?

— Нашли. На месте, куда её положили. Не на месте, где искали.

Климов отодвинул бумагу. Вера села и снова открыла указатель. На этот раз её интересовали не шесть строк, которые так легко было превратить в загадку, а обычные обозначения по соседству. Если «31/II» действительно был особой отметкой, следовало понять, чем он отличался от «30/II» и «32/II», если последняя вообще существовала.

«32/II» не было. После тридцать первой позиции шла другая группа. Зато напротив «30/II» стояло краткое «проверено по ведомости», а рядом с «31/II» — «сверка отложена». Вера перевела взгляд на дату позднейшей вклейки. Ни даты, ни подписи. Даже цвет чернил ничего не решал: разные ручки могли лежать на одном столе в один день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.